

M. MINISTRE

Truki- ja raamatuksid

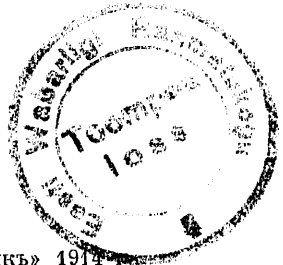
tööksid.

Narva, Kõnne 10. 14.

7343
12.

Многоуважаемой
Любови Яковлевны
А. М. Кулишеръ. *Вольман*
от абочя

АВТОНОМІЯ ИРЛАНДІИ.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1914 г., кн. VI (II) и 1915 г., кн. IX (I).

Книжечка
4139 ✓

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1915.

I.

Государственное единство Англии и гомруль.

I.

«Океанъ противится отторженію, море противится объединенію» въ этихъ словахъ національный герой Ирландіи XVIII вѣка, Греттенъ, опредѣлялъ сущность той дилеммы, которая сотни лѣтъ раздирала на части тѣло и душу ирландскаго народа и ставила втупикъ одно поколѣніе англійскихъ государственныхъ людей за другимъ. Сотни лѣтъ Англія проводила по отношенію къ Ирландіи «объединительную» и «націоналистическую» политику. И здѣсь природа и исторія какъ бы намѣренно создали все условія для того, чтобы опытъ такой политики могъ быть поставленъ совершенно «полно» и убѣдительно. Вопросъ о соотношеніи силъ между желѣзнымъ строемъ англійскихъ войскъ и ирландскими полчищами ни разу не возбуждалъ продолжительныхъ сомнѣній. Непобѣдимый флотъ преграждалъ возможность посторонняго вмѣшательства. Не было недостатка ни во времени (700 лѣтъ), ни въ разнообразіи приемовъ, — можно смѣло сказать, что все методы, примѣненные въ позднѣйшія времена разными континентальными объединителями и націонализаторами, были ранѣе примѣнены въ Ирландіи и притомъ въ такомъ масштабѣ и съ такой жестокой послѣдовательностью, о какихъ въ другихъ странахъ и не мечтали. И все эксперименты оканчивались абсолютнымъ фіаско.

Первый періодъ исторіи Ирландіи со времени первыхъ экспедицій англо-норманскихъ бароновъ въ первой половинѣ XII вѣка и припятія королемъ Генрихомъ II *dominium Hiberniae* въ ленъ отъ папы въ 1172 г., — можно назвать опытомъ «англицизаціи» острова при посредствѣ автономной англійской колоніи (такъ наз. *english pale*), образованной на восточномъ берегу Ирландіи. Обладая собственными учрежденіями, представлявшими копию съ англійскихъ, и, съ 1265 г., собственнымъ парламентомъ изъ тѣхъ же двухъ палатъ, колонія была объединена съ Англіей лишь весьма слабой, вѣчно «отсутствующей» королевской властью. По отношенію

къ туземцамъ въ это время проводилась политика истребленія. На нихъ право колоніи вовсе не распространялось (убійство ирландца было ненаказуемо). Противъ смѣшенія переселенцевъ-англичанъ съ ирландцами принимались крайнія мѣры, — вплоть до смертной казни за бракъ съ ирландкой (Килькеннійскій статутъ 1328 г.). Несмотря на это, къ концу XV вѣка колонизація Ирландіи и распространеніе англійскаго владычества не только не сдѣлали никакихъ успѣховъ, но сами англійскіе выходцы подверглись почти полной «ирландизаціи». Норманскіе бароны, проникнувшіе вглубь страны и подчинившіе себѣ туземныя племена, быстро усвоивали роль туземныхъ вождей, стали «болѣе ирландцами, чѣмъ сами ирландцы» (*ipsis hibernis hiberniores*). Въ самой колоніи ирландскіе языкъ¹⁾ и культура, ирландское право медленно вытѣсняли англійскіе. Ко времени вступленія на престолъ Генриха VII территория, признаваемая «англійской», сократилась до какихъ-нибудь 20 миль вокругъ города Дублина.

Окрѣпшая королевская власть при Тюдорахъ произвела полный переворотъ въ политикѣ относительно Ирландіи. Прежде всего была ограничена автономія «рале». По закону Пойнингса, принятому терроризованнымъ ирландскимъ парламентомъ въ 1494 г., дѣйствіе англійскихъ статутовъ, изданныхъ до этого момента, было распространено на Ирландію; на будущее время ирландскій парламентъ и ирландскій правительственный органъ, тайный совѣтъ, лишались права законодательной инициативы въ пользу англійскаго тайнаго совѣта. Правительственный терроръ, — а со времени Якова I и пожалованіе избирательныхъ правъ городамъ и мѣстечкамъ по усмотрѣнію короля (какъ и въ Англійи, но въ несравненно большихъ размѣрахъ), — обеспечивали исполненіе королевскихъ требованій парламентомъ, несмотря на его постоянную, но робкую оппозицію²⁾. Кромѣ того, начиная съ половины XVI вѣка, раболѣпный англійскій парламентъ того времени сталъ по требованію королевской власти издавать въ порядкѣ «общемперскаго законодательства» законы относительно Ирландіи. Въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ идетъ непрерывный споръ о томъ, есть ли Ирландія англійское владѣніе (*dependency*) или особое государство (*realm*). Каковы бы ни были аргументы ирландскихъ юристовъ³⁾, «фактъ» былъ на

¹⁾ Еще въ 1541 г. въ ирландскомъ парламентѣ былъ всего одинъ членъ, умѣвшій говорить по-англійски. S. Paul Dubois, *L'Irlande contemporaine et la question irlandaise*, 1907, p. 375.

²⁾ Miss Green, *Irish nationality* въ сборн. «The new Irish Constitution», ed. by J. H. Morgan, 1912, p. 238—248.

³⁾ Изъ англійскихъ юристовъ и Кокъ и Блэкстонъ высказывались въ пользу перваго мнѣнія.

сторонѣ Англіи... Наконецъ, въ Дублинѣ учреждено отдѣленіе звѣздной палаты и развился неслыханный въ Англіи административный произволъ.

Утвердивъ такимъ образомъ связь «англіійской» территоріи съ Англіей, правительство рѣшительно взялось за расширеніе этой территоріи. Путемъ ряда кровавыхъ походовъ въ теченіе XVI вѣка вся Ирландія была фактически подчинена королевской власти и раздѣлена на графства съ англійскимъ порядкомъ управленія. «English Pale» превратился въ «ирландское королевство». При Генрихѣ VIII правительство серьезно стало ассимилировать мѣстное населеніе. Отнынѣ оно было признано подданными короля наравнѣ съ англичанами и на него было распространено дѣйствіе англійскаго права. Король жестоко преслѣдовалъ ослушниковъ, безъ различія, были ли то англичане или ирландцы; зато лояльные вожди ирландскихъ клановъ получали королевскіе патенты на земли племени; представители ихъ призывались въ парламентъ; наиболѣе могущественные жаловались въ пэры Ирландіи. Но начиная съ Маріи Кровавой, правительство, стремясь найти выходъ для созданнаго обезземленіемъ англійскихъ крестьянъ перенаселенія въ Англіи, перешло къ политикѣ колонизаціи Ирландіи англичанами и истребленія мѣстнаго населенія. При карательныхъ экспедиціяхъ Елизаветы королевскія войска не только убивали все населеніе данной мѣстности, но планомѣрно истребляли жилища и посѣвы, обращая половину страны въ пустыню¹). Милліоны акровъ земли были конфискованы, при чемъ все ихъ населеніе подвергалось изгнанію²); земля раздавалась англійскимъ дворянамъ, съ обязательствомъ привлекать переселенцевъ изъ Англіи. На Ирландію далѣе былъ распространень законъ о «единообразіи исповѣданія» и началось постепенно все усиливавшееся гоненіе на ирландцевъ, уже въ качествѣ католиковъ³).

Путемъ такой политики удалось къ половинѣ XVII вѣка въ самомъ дѣлѣ добиться установленія въ политическомъ отношеніи системы чистаго абсолютизма⁴); англійскій парламентъ не безъ основанія опасался поползновеній королевской власти использовать Ирландію въ борьбѣ съ англійскимъ народомъ. Но объ англизаціи

¹) Lesky, Geschichte Englands im XVIII Jahrh. нѣм. пер., II. S. 101.

²) Между тѣмъ какъ по ирландскому «брегонскому» праву земля признавалась собственностью всего племени, правительство и королевскіе суды считали ее полною собственностью вождя, и поэтому при опалѣ вождя изгонялось все подвластное ему населеніе. См. *ibid.*, II, S. 109 ff.

³) *Ibid.*, II, S. 125 ff.

⁴) «Король здѣсь такъ неограниченъ, какъ только можетъ быть неограниченъ какой бы то ни было государь на свѣтѣ», — писалъ Страффордъ. *Ibid.*, II, S. 123.

страны не могло быть рѣчи. Надежды правительства на колонизацію не осуществились. Единственнымъ исключеніемъ была Ульстерская «плантація» 1602 г. сохранившаяся благодаря непрерывному переселенческому движенію среди преслѣдуемыхъ на родинѣ шотландскихъ диссидентовъ и оставшаяся навсегда «пертурбаціоннымъ элементомъ» въ ирландской жизни. Въ остальныхъ частяхъ Ирландіи колонисты быстро сливались съ окружающимъ населеніемъ. Въ видѣ особаго элемента сохранились только новые помѣщики-англичане, глубоко ненавидимые населеніемъ, которое они превратили изъ участниковъ общиннаго владѣнія въ арендаторовъ этой земли; но и они, когда королевскій деспотизмъ затронулъ ихъ интересы, въ значительной части стали поборниками автономіи Ирландіи. Масса населенія продолжала держаться католической религіи, и старый національный антагонизмъ «Englishry» и «Irishry» былъ увѣковѣченъ въ формѣ антагонизма религіознаго. «Избѣненіе протестантовъ» 1641 г., а затѣмъ «великій мятежъ» всей страны во главѣ съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ за католическую религію и восстановленіе старой автономіи, — возстаніе, направленное противъ короля, пока онъ оставался представителемъ Англіи, а затѣмъ вступившее съ нимъ въ соглашеніе противъ Англіи, — было крахомъ націонализаторской и объединительной политики абсолютизма. Дикая анархія, свирѣпствовавшая въ Ирландіи въ теченіе десяти лѣтъ, пока Англія была занята внутренними междуусобицами, — анархія, при которой однако все враждующія партіи объединялись въ ненависти къ Англіи и стремленіи къ полной независимости отъ нея, — была достойнымъ завершеніемъ этой политики.

На смѣну этой политикѣ пришелъ демократическій унитаризмъ дѣятелей пуританской республики, отличавшихся отъ позднѣйшихъ континентальныхъ представителей подобныхъ же идеологій несомнѣнно большей искренностью и несравненно большимъ запасомъ суровой энергіи. «Пусть народъ Ирландіи знаетъ» — заявлялъ Долгій Парламентъ въ введеніи къ закону объ устройствѣ Ирландіи (Act of Irish settlement, 1652 г.), «что парламентъ не имѣетъ намѣренія истребить весь народъ; напротивъ всемъ крестьянамъ, пахарямъ, рабочимъ, ремесленникамъ и инымъ членамъ низшихъ классовъ даруется полная милость въ отношеніи ихъ жизни и имущества». Но католическая церковная организація и ея опора, старое ирландское дворянство подлежали полному уничтоженію. Съ точки зрѣнія силы вопросъ былъ рѣшенъ съ быстротою молніи. Ирландскіе повстанцы разсѣивались «какъ пыль» при первой же атакѣ кирасировъ Кромвелля; чудо-

вищная операція была выполнена безпрепятственно. Изъ 20 милліоновъ акровъ, составляющихъ площадь Ирландіи, 11 милліоновъ было конфисковано и роздано «спекулянтамъ», ссудившимъ парламентъ средствами на войну, и солдатамъ Кромвелля. Не болѣе $2\frac{1}{2}$ мил. оставалось въ рукахъ католиковъ, составлявшихъ $\frac{4}{5}$ населенія¹⁾. Остатки феодальнаго права были отмѣнены и отношенія собственника и арендатора отнынѣ основывались на свободномъ договорѣ. Ирландія была превращена въ англійскую провинцію и представители ея протестантскаго населенія были призваны въ парламентъ англійской республики. Реставрація возстановила status quo въ политическомъ отношеніи, но почти ничего не измѣнила въ создавшихся соціальныхъ условіяхъ. На выборахъ въ ирландскій парламентъ англійскіе помѣщики имѣли отнынѣ подавляющее большинство. Ирландское національное дворянство, какъ классъ, перестало существовать. Его мѣсто занялъ англо-ирландскій «лэнд-лордизмъ», — послѣдняя и самая обширная англійская «надстройка» надъ ирландской массой. Колонизація въ собственномъ смыслѣ слова не удалась, дѣти солдатъ Кромвелля уже не знали по-англійски. И послѣ тридцати пяти лѣтъ безраздѣльнаго господства англійскаго протестантскаго элемента въ политическомъ и соціальномъ отношеніи ирландскій народъ снова возсталъ какъ одинъ человекъ въ 1689 г., за изгнаннаго изъ Англій католическаго государя — чтобы истечь кровью подъ стѣнами Лондондерри и въ битвѣ на р. Бойнѣ.

Методы королевскаго абсолютизма и пуританскаго мѣщанства отличались грубой прямолинейностью. Торжествующая въ концѣ XVII вѣка аристократія иначе взялась за дѣло. Въ Ирландіи была создана система угнетенія, не имѣющая равной по остроумію, сложности и рафинированности. Рядомъ законовъ, изданныхъ ирландскимъ парламентомъ («penal laws») создавшееся фактическое положеніе получило юридическую санкцію; католическое населеніе было превращено и юридически въ царевъ, лишенныхъ не только политическихъ, но и элементарныхъ гражданскихъ правъ. Созданная конфискаціями пролетаризація кореннаго населенія закрѣплена воспрещеніемъ католикамъ приобрѣтать недвижимость на правѣ собственности или долгосрочной аренды. Возможность соціальнаго подъема преграждена воспрещеніемъ устройства промышленныхъ предпріятій, закрытіемъ доступа къ либеральнымъ профессіямъ,

¹⁾ Всѣ землевладѣльцы-католики, за исключеніемъ 26 лицъ, лишились своихъ владѣній, — притомъ, смотря по мѣрѣ участія ихъ въ возстаніи, или безъ всякаго вознагражденія, или же имъ отводилась земля въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{3}$ ихъ прежняго владѣнія въ худшей части Ирландіи, Коннаутской провинціи. Bonn, Die englische Kolonisation in Irland, 1906, II, S. 32—40.

къ короннымъ должностямъ, наконецъ лишеніемъ права гражданства въ муниципалитетахъ и политическаго избирательнаго права. Единственнымъ занятіемъ массы населенія являлась обработка помѣщицъей земли, на основѣ краткосрочной аренды. Въ качествѣ арендатора, крестьянинъ былъ свободной стороной по договору, а потому могъ быть изгнанъ по волѣ лендлорда или кулака-посредника (middleman), которые и воспользовались этимъ, производя въ половинѣ XVIII вѣка грандіозныя «очистки» (clearances), когда крупное скотоводство оказалось выгоднѣе мелкой земледѣльческой аренды; въ качествѣ католика крестьянинъ не могъ заключить договора, при которомъ арендная плата составляла бы менѣе $\frac{2}{3}$ чистаго дохода. Права обѣихъ сторонъ охранялись судомъ, въ которомъ католикъ не могъ быть ни судьей, ни присяжнымъ, ни повѣреннымъ. Преслѣдованіе за исповѣданіе, какъ таковое, прекратилось; взаимнѣе этого культъ и духовенство были обставлены рядомъ стѣснительныхъ и унижительныхъ условій. Надъ этой безправной массой, воздвигалась протестанская колонія, въ свою очередь раздѣленная на диссидентское (а поэтому ограниченное въ многихъ правахъ), большинство населенія Ульстера и насажденную и охраняемую англійскими штыками англиканскую касту («протестантскую гегемонію», protestant ascendancy). Въ рукахъ этой послѣдней находилось и мѣстное управленіе (въ лицѣ мировыхъ судей и «большихъ жюри»), представлявшее собою не столько копію, сколько карикатуру англійскихъ порядковъ¹⁾ и большинство административныхъ и судебныхъ должностей; изъ членовъ ея состоялъ парламентъ. На вершину пирамиды ни одинъ ирландецъ вообще не могъ проникнуть. Высшіе административные и судебные посты составляли монополію коренныхъ англичанъ. Ирландскій парламентъ, полномочный въ дѣлѣ угнетенія кореннаго населенія, былъ беззащитенъ по отношенію къ англійскому правительству. «Гнилыя мѣстечки» были здѣсь не злоупотребленіемъ, а основой всей системы представительства. Изъ трехсотъ членовъ палаты общинъ 197 назначались отдѣльными лицами, и съ этими лицами, «подрядчиками» (undertakers) правительство вступало въ соглашеніе о поставкѣ нужнаго большинства. По закону Пойнингса палаты лишены были какъ права формальной инициативы, такъ и права вносить поправки въ законопроекты предлагаемые англійскимъ тайнымъ совѣтомъ. Онѣ могли только (какъ это было выработано практикой) подавать петиціи о внесеніи билля такого-то содержанія» (Heads of bill), но эти прошенія прежде всего

¹⁾ Lecky, II, S. 319.

направлялись въ ирландскій тайный совѣтъ, а затѣмъ съ его заключеніемъ въ тайный совѣтъ англійскій (фактически англійскому министерству), гдѣ они или клались подъ сукно или возвращались съ его поправками уже въ формѣ билля въ ту же палату для дальнѣйшаго движенія, при чемъ палаты могли только принять или отвергнуть билль въ цѣломъ¹⁾. И наконецъ, надъ Ирландіей возвышалась «общеевропейская» законодательная власть англійскаго парламента, формально подтвердившаго это свое право «декларативнымъ актомъ» 1721 г. И Англія умѣла подчинять интересы «подвластной окраины» тому, что она считала интересами «державнаго центра». Когда развившаяся во второй половинѣ XVII вѣка ирландская текстильная промышленность (находившаяся исключительно въ рукахъ протестантовъ) стала грозить серьезной конкуренціей промышленности англійской, она была сознательно разрушена путемъ исключенія Ирландіи изъ колониальной торговли (1696 г.), а затѣмъ посредствомъ абсолютнаго запрещенія вывоза текстильныхъ издѣлій (1699 г.). Населеніе Ульстера было обречено на униженіе и эмиграцію въ Америку²⁾, и возможность экономического прогресса страны была закрыта почти на два столѣтія. Въ томъ же порядкѣ (въ 1719 г.) ирландская палата лордовъ была лишена апелляціонной юрисдикціи въ пользу англійской палаты лордовъ³⁾.

Результаты этой системы окончательно выяснились въ 70-мъ гг. XVIII вѣка. Крестьянская масса была охвачена аграрнымъ террористическимъ движеніемъ (движеніемъ «бѣлыхъ парней», white-boyism); напрасно лэндлорды, съ цѣлью напугать Англію, старались выставить его религіознымъ и политическимъ движеніемъ, возбуждаемымъ папой и субсидируемымъ Франціей, — хотя, по выраженію англійскаго наблюдателя, настроеніе населенія было таково, что если бы въ Ирландіи высадился алжирскій дей, то и онъ нашелъ бы приверженцевъ⁴⁾. Напротивъ, среди ульстерскихъ протестантовъ и части дворянства возникло «ирландское патріотическое» движеніе. Въ памфлетахъ Молине и Свифта старое требованіе возстановленія прежней автономіи приобрѣло, на почвѣ естественно-правовыхъ ученій того времени, характеръ принципиальной идеологіи. Теперь это была идея «Ирландіи-націи» (Ireland a nation). Во имя права самоопредѣленія этой «націи» (подъ которой на самомъ дѣлѣ понималась небольшая кучка ирландскихъ протестантовъ) требовались

1) Ibid., IV, S. 374, 381 ff.

2) Ibid., II, S. 223 ff.

3) Ibid., II, S. 453.

4) Ibid., IV, S. 363 Anm. 1.

прекращеніе англійскаго законодательства относительно Ирландіи и отмѣна закона Пойнингса. И даже аристократія и парламентское большинство примкнули къ патріотамъ, какъ только англійское правительство попыталось освободиться отъ «подрядчиковъ». Когда Англія, вслѣдствіе американской войны, принуждена была вывести изъ Ирландіи войска, водворенная ею «колонія» отплатила метрополи. Самочинно организованная національная гвардія («волонтеры»), состоявшая исключительно изъ протестантовъ, подъ командой представителей высшей аристократіи, немедленно же потребовала свободы торговли, а затѣмъ и возстановленія Ирландіи, какъ государства¹⁾. Въ 1779 г. Англія принуждена была согласиться на первое, въ 1782 г. и на второе. 16 апрѣля 1782 г. члены ирландскаго парламента по улицамъ, одѣженными волонтерами, собрались на свое едва ли не единственное славное засѣданіе. «Я говорю со свободнымъ народомъ, — началъ свою рѣчь вождь патріотовъ Греттенъ. Вѣка прошли, но вы впервые заслуживаете такого обращенія». Онъ закончилъ требованіемъ отмѣны «иностраннаго законодательства» и «иностранной судебной власти» надъ Ирландіей. Парламентъ принялъ адресъ королю, заявлявшій, что хотя «корона Ирландіи есть имперская корона (an imperial crown), неразрывно связанная съ короной Великобританіи», но «Ирландское королевство есть особое королевство со своимъ парламентомъ, его единственной законодательной властью», состоящей изъ «короля, лордовъ и общинъ Ирландіи»²⁾. Напрасно англійское правительство, въ переговорахъ съ Греттеномъ, пыталось добиться согласія на закрѣпленіе хотя бы связи въ области иностранной политики и обороны³⁾. Англійскій парламентъ долженъ былъ не только отмѣнить декларативный законъ 1721 г., но торжественно признать, что право законодательства относительно Ирландіи принадлежитъ исключительно «королю, лордамъ и общинамъ Ирландіи». Съ своей стороны ирландскій парламентъ отмѣнилъ законъ Пойнингса. Ирландія стала юридически сувереннымъ государствомъ съ собственной арміей, соединеннымъ съ Англіей только личностью короля. Отношенія двухъ странъ отнынѣ, по словамъ Греттена, опредѣлялись «международнымъ правомъ»⁴⁾. Таковъ былъ конецъ тонкой системы, построенной на принципѣ *divide et impera*.

¹⁾ Съ цѣлью привлечь на свою сторону массы, патріоты заговорили и о «своихъ католическихъ соотечественникахъ». Нѣкоторыя облегченія были въ 1779 г. приняты ирландскимъ парламентомъ. *Ibid*, IV, S. 563 ff.

²⁾ *Life of Grattan by his son*, II, p. 237.

³⁾ *Lord Fitzmaurice, 1782 and 1912*. «The new Irish Constitution», p. 270—278. См. переписку въ *Life of Grattan by his son*, II, p. 286 ss.

⁴⁾ *Lord Fitzmaurice, l. c.*, p. 278. Любопытный инцидентъ произошелъ въ 1788 г. по случаю помѣшательства Георга III. Какъ извѣстно, англій-

Благородные идеалисты, какъ Греттенъ, могли думать, что «ирландская нація возстала въ своемъ величїи» и что «два народа навѣки соединены узами свободы и мира»¹⁾. Но немедленно же выяснилась другая сторона вопроса. Исторія ирландскаго государства («парламента Греттена») при всемъ внѣшнемъ различїи чрезвычайно напоминаетъ исторїю Польши того же времени. Какъ и тамъ, охрана государственности оказалась несомвѣстимою съ интересами правящаго класса. Объ «ирландской націи» не могло быть рѣчи, пока $\frac{4}{5}$ населенія были безправными «объектами» государственной власти. О государственной самостоятельности не могло быть рѣчи, пока исполнительная власть, благодаря праву королевскаго назначенія на высшія должности, оставалась фактически въ рукахъ Англїи. Поставить администрацію въ зависимости отъ себя, какъ того хотѣли патріоты, могъ бы только парламентъ, независимый отъ «подрядчиковъ» и подкупа. Но ни эмансипація католиковъ, ни избирательная реформа не были совмѣстимы съ интересами лэндлордовъ. Здѣсь они оказались еще болѣе консервативными, чѣмъ само англійское правительство. Противъ воли аристократїи, противъ воли даже парламентскихъ патріотовъ (кромѣ впрочемъ Греттена) правительство Питта въ 1793 г. провело частичную эмансипацію (нераспространявшуюся на коронныя должности и пассивное избирательное право). Когда же въ 1795 г. новый намѣстникъ Ирландїи лордъ Фицвилліамъ попытался разорвать съ «подрядчиками» и вступить въ союзъ съ патріотами, ирландская аристократія посредствомъ интригъ въ Лондонѣ принудила отозвать его черезъ три недѣли послѣ его прїѣзда. Между тѣмъ подъ вліяніемъ французской революціи и въ Ирландїи возникло демократическое теченіе, выразившееся въ вышедшей изъ среды волонтеровъ организаціи «объединенныхъ ирландцевъ», требовавшихъ полнаго равенства всѣхъ гражданъ и всеобщаго избирательнаго

ская палата общинъ, по предложенію Питта, признала, что регентство должно быть назначено въ законодательномъ порядкѣ и что, разъ королевская власть лишена возможности дѣйствовать, то такой законъ, имѣющій цѣлью дать ей эту возможность, можетъ быть изданъ властью однихъ палатъ. То же самое правительство предложило и ирландскому парламенту. Такимъ образомъ выходило, что парламенты, дѣйствуя въ этомъ случаѣ абсолютно независимо другъ отъ друга, могли бы издать совершенно различные законы, напримѣръ, назначить регентами разныхъ лицъ. На самомъ дѣлѣ произошло столкновение другого рода. Ирландскій парламентъ вообще отвергъ доктрину Питта и присоединился къ мнѣнію Фокса, полагавшаго, что регентство *de pleno iure* принадлежитъ наслѣднику. Поэтому онъ отказался выработать законъ и, вмѣсто того, принялъ адресъ принцу Уэльскому съ предложеніемъ вступить въ осуществленіе королевской власти въ Ирландїи. Намѣстникъ Ирландїи отказался препроводить адресъ по назначенію, считая его незаконнымъ. Но въ этотъ моментъ король выздоровѣлъ. См. Dunlop, Grattan, p. 95 ss.

¹⁾ Dunlop, Grattan, p. 46, 54.

права. Вслѣдствіе репрессій это движеніе вскорѣ приняло чисто-революціонный характеръ; только англійскій флотъ мѣшалъ имъ осуществить свои планы съ французской помощью. Теперь «автономные» лэндлорды отчаянно завопили объ англійскомъ вмѣшателствѣ. Съ помощью провокаціи мѣстныхъ властей удалось вызвать взрывъ религіознаго фанатизма въ Ульстерѣ; возникли организаціи «оранжистовъ» для защиты протестантской гегемоніи; начались погромы католиковъ, вызвавшіе и соотвѣтствующій отпоръ. Наконецъ въ 1798 г. вспыхнули и аграрный бунтъ и политическая революція; нѣсколько позже высадился французскій отрядъ, «pour terrasser l'aristocratie». Какъ только дошло до дѣла, «ирландская армія» оказалась никуда негодной «шайкой разбойниковъ»¹⁾. Снова наступила полная анархія, пока англійскіе штыки не возстановили мертвый покой. Въ атмосферѣ военныхъ судовъ и висѣлицъ, въ Дублинѣ, обращенномъ въ англійскій военный лагерь, ирландскій парламентъ собрался на свою послѣднюю сессію.

Растоптавъ ирландскую революцію, Питтъ рѣшилъ покончить и съ государственностью лэндлордовъ. Считая эмансипацію католиковъ необходимой, онъ видѣлъ въ объединеніи Ирландіи съ Англіей единственную гарантію интересовъ «собственности» въ Ирландіи, гарантію противъ превращенія Ирландіи въ демократію, опасную для тѣхъ же интересовъ въ Англіи. Въ «уніи» же видѣли спасеніе и крайніе реакціонеры среди ирландской аристократіи, но въ «уніи протестантской», какъ гарантіи противъ эмансипаціи католиковъ²⁾. Какъ бы то ни было, большинство обѣихъ палатъ ирландскаго парламента сдалось на полновѣсные аргументы англійскаго казначейства. Масса населенія отнеслась къ перемѣнѣ господъ съ глубокимъ равнодушіемъ. Протестовали только ульстерцы и маленькая группа «неподкупныхъ» членовъ парламента во главѣ съ Греттеномъ. Напрасно онъ предсказывалъ своимъ соотечественникамъ горькую судьбу. «Изъ преній имперскаго парламента вы узнаете, что у васъ есть нужды; изъ послѣдствій этихъ преній вы узнаете, что у васъ нѣтъ парламента, для того, чтобы удовлетворить эти нужды; вы узнаете, что лишить націю надежды — не лучшее средство предотвратить ея отчаяніе... Объединеніе безъ единства сердець, объединеніе съ особымъ управленіемъ, но безъ особаго парламента — это уничтоженіе, это поруганіе, это порабощеніе, а не объединеніе!». Въ послѣдней своей рѣчи онъ могъ только апеллировать къ будущему: «Ирландія въ обморокѣ, она лежитъ въ могилѣ, но она не умерла»³⁾. 1 августа 1800 г., по тождествен-

¹⁾ Ibid., p. 174, 178.

²⁾ Ibid., p. 181—183.

³⁾ Ibid., p. 196—199.

ному закону, принятому обоими парламентами, ирландское королевство перестало существовать; возникло «Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии», унитарное государство под властью единого парламента. 100 мѣсть въ этомъ парламентѣ были гарантированы Ирландіи. Такъ кончился краткій сонъ ирландской государственности. Для обѣихъ сторонъ унія была актомъ отчаянія — послѣднимъ средствомъ спасти протестантскую гегемонію и англійское владычество. Ирландское дворянство передало власть надъ своей вотчиной въ другія руки. Англія приняла въ свое лоно провинцію, на ассимиляцію и даже на лояльность которой послѣ всѣхъ опытовъ, казалось, не могло быть никакой надежды. Ирландскій вопросъ оставался квадратурой круга.

II.

*Paribus se legibus ambae
Invictae gentes aeterna in federa mittant*

заявлялъ Питтъ. На самомъ дѣлѣ о *parae leges* не могло быть рѣчи уже потому, что Ирландія въ теченіе всего XIX вѣка почти не знала нормальнаго порядка управленія. Сложная система XVIII вѣка замѣнена была однимъ простымъ средствомъ — диктатурой. Первый законъ, изданный парламентомъ Соединеннаго Королевства относительно Ирландіи (въ 1800 г.) былъ законъ о приостановленіи дѣйствія Habeas Corpus Act'a. Серія временныхъ законовъ, предоставлявшихъ администраціи болѣе или менѣе широкія исключительныя полномочія (такъ наз. Coercion Acts), издававшихся на годъ или на нѣсколько лѣтъ, слѣдуетъ почти непрерывно до 1886 г. Въ частности Habeas Corpus Act приостанавливался 11 разъ, на 15 лѣтъ въ общемъ. Наконецъ въ 1887 г. былъ изданъ «законъ Бальфура» (Irish Crimes Act), постоянный законъ объ исключительномъ положеніи по континентальному образцу; введеніе его въ дѣйствіе во всей Ирландіи или какой-либо ея части зависитъ отъ усмотрѣнія намѣстника. Законъ этотъ донынѣ неотмѣненъ и примѣненіе его совершенно прекратилось только при нынѣшнемъ правительствѣ (съ 1905 г.). Но и независимо отъ этого единство Великобританіи и Ирландіи фактически ограничивается единствомъ законодательнаго органа, финансовой системы (съ 1816 г.), арміи и флота и высшаго апелляціоннаго суда — палаты лордовъ¹⁾. Въ отношеніи

¹⁾ Общность (далеко не полную) гражданского и уголовного права нельзя принимать во вниманіе, такъ какъ и до уніи common law дѣйствовало въ Ирландіи.

содержанія законодательства, а также судоустройства и администрации Ирландія до настоящаго времени остается самостоятельной единицей. До сихъ поръ она управляется рядомъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, сосредоточенныхъ въ «Дублинскомъ замкѣ» и составленныхъ изъ замкнутого, рекрутируемаго главнымъ образомъ изъ среды лэндлордовъ и ульстерцевъ, чиновничества. Во главѣ этой организаціи стоитъ номинально лордъ-намѣстникъ, фактически его «старшій секретарь», членъ парламента и кабинета, являющійся единоличнымъ правителемъ Ирландіи. Тѣ вѣдомства (какъ, напр., внутреннихъ дѣлъ, мѣстнаго управленія, торговли), во главѣ каждаго изъ которыхъ въ Англіи стоятъ отвѣтственные передъ парламентомъ министры, въ Ирландіи существуютъ въ видѣ бюрократическихъ коллегій и канцелярій, подчиненныхъ одному парламентскому главѣ, «первому министру, не имѣющему кабинета», который къ тому же принужденъ большею частью управлять ими изъ Лондонскаго далека¹⁾. Въ области мѣстнаго управленія въ первой половинѣ XIX вѣка были проведены нѣкоторыя реформы, но на основаніяхъ, діаметрально-противоположныхъ англійскимъ началамъ. Въ 1836 г. правительство, отчаявшись въ возможности когда-либо превратить ирландскихъ лэндлордовъ во что-либо похожее на англійское джентри, сразу въ двухъ направленіяхъ ограничило ихъ права по самоуправленію и мѣстному суду. «Въ помощь» мировымъ судьямъ были даны «постоянные судьи» (Resident Magistrates), также не юристы, но получающіе казенное жалованіе, назначаемые и увольняемые намѣстникомъ, и юридически и еще болѣе фактически скорѣе напоминающіе нашихъ земскихъ начальниковъ, нежели англійскихъ мировыхъ судей²⁾; съ другой стороны, полиція была вовсе изъята изъ вѣдомства мировыхъ судей и организована въ видѣ «королевскаго ирландскаго корпуса жандармовъ» (Royal Irish Constabulary), подчиненнаго лорду-намѣстнику, чисто-военной организаціи³⁾.

Министерство, проведшее объединеніе, было первымъ министерствомъ, павшимъ изъ-за ирландскаго вопроса. Вслѣдствіе сопротивленія Георга III Питтъ не могъ осуществить эмансипаціи католиковъ и вышелъ въ отставку. На почвѣ этого-то вопроса возникло новое ирландское національное движеніе, національно-ирландское уже въ собственномъ смыслѣ. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ демократической организаціи въ концѣ XVIII вѣка защита интересовъ

¹⁾ Если ирландская бюрократія чѣмъ знаменита, то это своимъ умѣніемъ обращать въ ничто правительственныя благія начинанія. Paul Dubois, p. 177—182.

²⁾ См. *ibid.*, p. 192 ss.

³⁾ *Ibid.*, p. 186 ss.

католиковъ долгое время оставалась въ рукахъ «естественныхъ вождей» — узкаго круга католическаго дворянства и «лояльной» зажиточной буржуазіи, придерживавшихся политики «достойнаго молчанія» и безуспѣшныхъ ходатайствъ передъ правительствомъ. Въ концѣ перваго десятилѣтія XIX вѣка на сцену выступилъ новый элементъ — представители либеральныхъ профессій (доступъ къ которымъ былъ открытъ католикамъ въ 1793 г.), во главѣ которыхъ сталъ адвокатъ О'Коннель. Началось представленіе петицій объ эмансипаціи въ палату общинъ, поддерживавшихся Греттенемъ и либеральными ирландскими депутатами. Въ 1813 г., по поводу выработаннаго правительствомъ Каннинга проекта эмансипаціи, подъ «гарантіей» предоставленія правительству права утвержденія назначаемыхъ папой епископовъ, вызвавшаго чрезвычайное недовольство въ католическомъ духовенствѣ и народной массѣ, «естественные вожди» были свергнуты О'Коннелемъ¹⁾. Проектъ остался безъ движенія, дальнѣйшія петиціи отвергались, но новое движеніе росло и ширилось въ ирландской массѣ при дѣятельномъ участіи духовенства. Въ 1823 г. оно организовалось въ видѣ знаменитой «католической ассоціаціи».

Вѣроисповѣдное, отчасти клерикальное по своему составу, націоналистическое по идеологіи, новое движеніе въ политическомъ отношеніи восприняло идею ирландской государственности, «отмѣны уніи» (Repeal). Сама по себѣ эта идея никогда не умирала. Еще въ 1810 г. она была принята на собраніи Дублинскаго протестантскаго бюргерства²⁾. Но теперь знамя перешло въ руки самого ирландскаго народа. Для новаго поколѣнія ирландской демократіи корень зла заключался въ англійскомъ владычествѣ, какъ таковомъ. Англія насадила «протестантскую гегемонію», она поддержала ее уніей, она охраняла ее исключительными законами. Возникла (до сихъ поръ не забытая нѣкоторыми ирландскими націоналистами³⁾ легенда о «парламентѣ Греттена», какъ о какомъ-то начинавшемся золотомъ вѣкѣ, прерванномъ только коварству Англіи. Но внутренній смыслъ «ирландскаго патриотизма» совершенно измѣнился. «Ирландія — нація» и даже «король, лорды и общины Ирландіи» означали уже не требованіе государственной автономіи для англійской колоніи, а напротивъ требованіе освобожденія «ирландцевъ» отъ «англичанъ», «кельтовъ» отъ «саксовъ», — лозунгъ, направленный прежде всего противъ самой этой колоніи.

¹⁾ Hamilton, Daniel O'Connell, 1909, p. 27—40.

²⁾ Dunlop, p. 216.

³⁾ См., напр., S. Gwynn, The case for Home Rule, 1912, p. 21.

О'Коннель является если не «изобрѣтателемъ», то во всякомъ случаѣ первымъ «мастеромъ» новаго орудія политической борьбы, вошедшаго съ тѣхъ поръ во всеобщій обиходъ: легальной массовой агитаціи и организаціи. Выяснилась первая реальная, но несомнѣнно неожиданная выгода для Ирландіи отъ уніи. Въ Ирландіи теперь было правительство, дѣйствительно связанное буквой закона; Англія, такъ часто побѣждавшая ирландскія возстанія, оказалась безсильной передъ юридическими уловками адвоката, двигавшагося «по краю законности». Несмотря на отчаянныя мѣры администраціи, несмотря на законы, спеціально противъ нея издававшіеся, католическая ассоціація, мѣняя названіе и уставъ, открыто дѣйствовала въ теченіе шести лѣтъ, организуя буквально всю массу населенія Ирландіи, непрерывно устраивая митинги въ каждомъ приходѣ, собирая изъ крошечныхъ членскихъ взносовъ «католическую ренту» въ десятки тысячъ фунтовъ въ годъ и въ то же время удерживая населеніе отъ насилія несмотря на провокацію ульстерскихъ оранжистовъ. Избирательное право въ то время принадлежало всякому собственнику недвижимости въ 40 шиллинговъ годового дохода. Со времени предоставленія активнаго избирательнаго права католикамъ въ 1793 г. лэндлорды пользовались этимъ, раздавая зависимому населенію клочки земли, для созданія «голосующаго стада». Въ 1826 г. разразился громовой ударъ: крестьяне повсюду проваливали своихъ помѣщиковъ, выбирая либеральныхъ протестантовъ; въ 1829 г. самъ О'Коннель былъ избранъ вопреки закону¹⁾. Въ 1826 г. палата общинъ приняла билль о равноправіи. Въ палатѣ лордовъ герцогъ Йоркскій, братъ короля, лично выступилъ противъ билля и онъ былъ отвергнутъ. Наконецъ въ 1829 г., когда власть по охраненію мира въ Ирландіи явно перешла отъ правительства къ католической ассоціаціи, когда главнокомандующій и первый министръ Веллингтонъ не считалъ уже возможнымъ полагаться на ирландскіе полки²⁾, консервативное правительство провело законъ, по которому католики получали полное равноправіе; тѣмъ же закономъ избирательный цензъ въ Ирландіи былъ значительно повышенъ. Въ отношеніи коронныхъ должностей равноправіе надолго (по крайней мѣрѣ до эпохи Гладстона) осталось мертвой буквой. Но въ англійскомъ парламентѣ появились депутаты — ирландцы, которыхъ не было въ «ирландскомъ» парламентѣ.

Въ 1830 г. О'Коннель (будучи уже членомъ парламента) учредилъ «общество друзей Ирландіи всѣхъ исповѣданій»; борьба админи-

¹⁾ Hamilton, p. 71—78.

²⁾ Ibid., p. 81, 85.

страціи съ этимъ обществомъ, также непрерывно мѣнявшимъ названіе и уставъ¹⁾ оказалась столь же безуспѣшной, какъ и борьба съ католической ассоціаціей. Цѣлью его была отмѣна уніи. Между тѣмъ, выяснилось новое неожиданное послѣдствіе этой уніи. Длинный періодъ безраздѣльнаго господства консерваторовъ въ англійскомъ парламентѣ кончился и, при большемъ численномъ равенствѣ партій, ирландское представительство, большинство котораго находилось въ рукахъ О'Коннеля (хотя сначала официально сливалось съ либералами) получило огромное вліяніе на рѣшеніе англійскихъ государственныхъ вопросовъ и судьбу англійскихъ министерствъ. Только съ его помощью могла быть проведена великая избирательная реформа 1832 г. противъ воли большинства представителей Англійи и Шотландіи²⁾. На выборахъ того же года О'Коннель выставилъ, какъ лозунгъ, отмѣну уніи и въ первомъ же пореформенномъ парламентѣ образовалась самостоятельная ирландская партія. Либеральное правительство, имѣвшее на этотъ разъ абсолютное большинство, отблагодарило ирландцевъ новыми исключительными законами. Въ 1833 г. О'Коннель предложилъ (разумѣется безуспѣшно) поправку къ адресу въ пользу отмѣны уніи. Въ слѣдующемъ же году ему удалось внести раздоръ въ среду министерства и заставить его подать въ отставку. Наконецъ, послѣ выборовъ 1835 г., силы англійскихъ партій распредѣлились такимъ образомъ, что Ререалег'ы получили рѣшающій голосъ. О'Коннель рѣшился «сдѣлать честный опытъ (a fair trial) съ уніей». Онъ вступилъ въ формальный блокъ съ либералами на основѣ обширной программы реформъ для Ирландіи, подъ условіемъ временнаго отказа отъ требованія «отмѣны». Результаты «опыта» были весьма опредѣленные. Вслѣдствіе сопротивленія палаты лордовъ правительство не могло за шесть лѣтъ провести для Ирландіи почти ничего, — не могло даже фактически отмѣнить десятины, взимаемой съ католическихъ крестьянъ въ пользу протестантской церкви³⁾. Непосредственные результаты блока состояли только въ постоянныхъ нападкахъ оппозиціи на министерство, управлявшее съ помощью «сепаратистовъ» и въ паденіи популярности О'Коннеля среди его собственныхъ сторонниковъ. И однако же событія этого

1) Одно время оно даже называлось «обществомъ предупрежденія незаконныхъ собраній». Ibid., p. 101.

2) Ibid., p. 111.

3) Въ концѣ-концовъ десятина была фиксирована въ опредѣленной суммѣ и «переложена» на лэндлордовъ, которые, конечно, не замедлили «переложить» ее обратно. — Въ Ирландіи былъ также введенъ англійскій законъ о прирѣннѣ бѣдныхъ, оказавшійся совершенно непримѣнимымъ къ мѣстнымъ условіямъ. Barry O'Brien, Government of Ireland in the 19th Century, «The new Irish Constitution», p. 313—317.

періода имѣли болѣе глубокія послѣдствія, — и вовсе не въ смыслѣ «доказательства» необходимости «отмѣны уніи», какъ это тогда понимали, а въ смыслѣ скорѣе противоположномъ. Поведеніе палаты лордовъ по отношенію къ ирландскимъ вопросамъ, въ которыхъ страхъ народнаго возмущенія не стѣснялъ ея чисто классовой политики, было все же по существу такимъ же, какъ отношеніе ея къ проектамъ другихъ реформъ въ то же время. Впервые два народа смутно почувствовали наличность реальныхъ общихъ интересовъ, но совсѣмъ не тѣхъ, о которыхъ думали авторы уніи. О'Коннелль это понималъ, когда, какъ заправскій англійскій политикъ, началъ по всему государству кампанію противъ «олигархіи». Черезъ 80 лѣтъ исторія оправдала этотъ образъ дѣйствій, несмотря на жалобы болѣе рѣшительныхъ ирландскихъ «патріотовъ» на столь «недостойную» политику.

Въ 1841 г. у власти стали консерваторы. О'Коннелль началъ кампанію за «отмѣну». Это было повтореніе кампаніи за эмансипацію, но въ еще болѣе грандіозномъ масштабѣ. Въ 1843 г. *general rent* (сборы на агитацію) достигла 2.000 фунтовъ въ недѣлю. Устраивались, протекавшіе въ изумительномъ порядкѣ митинги-монстры, на которыхъ присутствовали сотни тысячъ людей. Не трогая англійскихъ властей, *general association* прямо приступила къ устройству какъ бы ирландскаго государственнаго управленія, организовала собственную полицію (*general police*) и даже кавалерію (*general cavalry*), поддерживавшіе порядокъ во всей странѣ и собственные третейскіе суды, грозившіе оставить королевскіе суды безъ процессовъ. О' Коннелль, доказывавшій незаконность акта 1800 г., ибо «парламентъ не имѣетъ права самъ себя уничтожить», предполагалъ даже созвать представительную конвенцію отъ всего народа; достаточно будетъ королевскаго указа и ирландскій парламентъ будетъ налицо¹⁾. Онъ не отвергалъ и вооруженнаго сопротивленія: «они говорятъ о гражданской войнѣ; пока я живъ, гражданской войны не будетъ; но если другіе предпримутъ походъ на насъ, это не гражданская война». Однако реальные нужды Ирландіи и социальная вражда противъ лэндлордовъ оставались у него все же на первомъ планѣ. Напротивъ, группа молодыхъ литераторовъ, «Молодая Ирландія», основавшая газету *Nation*, пыталась привить къ Ирландіи принципы «настоящаго» континентальнаго націонализма того времени, настаивая на восстановленіи старо-ирландскаго языка, и на объединеніи ирландцевъ всѣхъ классовъ, съ цѣлью изгнанія иностранцевъ.

¹⁾ Hamilton, p. 154—168.

Наконецъ правительство Пилия рѣшило покончить однимъ ударомъ съ этимъ движеніемъ. На 5 октября 1844 г. былъ назначенъ митингъ въ Клонтарфѣ близъ Дублина, долженствовавшій быть еще болѣе грандіознымъ, нежели всѣ предшествовавшіе. Предполагалось собрать чуть ли не все населеніе Ирландіи; спеціальныя пароходы привозили ирландцевъ изъ Англіи. За нѣсколько дней до митинга пять полковъ и артиллерійская бригада были направлены въ Клонтарфъ, эскадра стала на якорь въ устьѣ рѣки. Наканунѣ назначеннаго дня митингъ былъ запрещенъ. Разсчитывали или на признаніе О'Коннелемъ силы Англіи, или на грандіозное кровопусканіе. О'Коннель предпочелъ первое: митингъ былъ отмѣненъ. О'Коннель отказался и отъ проекта созыва «конвенціи». Но другое дѣйствіе «Англіи» (только совсѣмъ не той) оказало гораздо большее вліяніе на уменьшеніе революціоннаго настроенія. О'Коннель и его «адъютанты» были привлечены къ уголовной отвѣтственности за совершеніе бунтовщическихъ дѣйствій. Съ помощью добраго стараго приѣма ирландскихъ судовъ, *jury packing* (подбора присяжныхъ) и невѣроятно-запутаннаго обвинительнаго акта, удалось добиться частичнаго обвинительнаго вердикта. Но тутъ вступило англійское юридическое сословіе; лучшіе представители англійской адвокатуры перенесли дѣло въ палату лордовъ. Нѣкоторые «свѣтскіе» пары подумывали уже о томъ, чтобы, вопреки прецедентамъ, принять участіе въ рѣшеніи дѣла на ряду съ судебными лордами и не допустить освобожденія ихъ злѣйшаго врага; по настоянію правительства, которому честь англійскаго, если не ирландскаго, суда все же была дорога, они въ послѣдній моментъ ушли и предоставили юристамъ дѣлать свое дѣло. Лордъ главный судья Англіи Денманъ сказалъ, что при подборѣ присяжныхъ судъ присяжныхъ превращается въ «издѣвательство, обманъ и западню». Большинствомъ трехъ изъ пяти судебныхъ лордовъ приговоръ былъ отмѣненъ... и опасность взрыва была предотвращена.

Между тѣмъ какъ ирландскія массы были охвачены «*Repeal'емъ*», успѣла возникнуть та промежуточная между англійской «государственной точкой зрѣнія» и «историческимъ правомъ» Ирландіи идея, которой суждено было поглотить и то и другое, — идея «федерализма». Эта мысль повидимому впервые была высказана ирландскимъ либераломъ-протестантомъ Шарменъ Крауфордъ, пропагандировавшимъ еще въ 30-хъ годахъ учрежденіе «подчиненнаго, на федеральныхъ основаніяхъ, ирландскаго законодательнаго собранія». Идея эта была довольно распространена среди либеральныхъ ирландскихъ дворянъ и англійскихъ либераловъ, но соотвѣтственно скудной разработкѣ вопроса о федерализмѣ

въ литературѣ того времени носила крайне безформенный характеръ. Если, съ одной стороны, Нассау Сениоръ предлагалъ путешествующій между Лондономъ и Дублиномъ парламентъ, то, съ другой стороны, самъ О'Коннель еще въ 30-хъ годахъ неоднократно «кокетничалъ» съ «федерализмомъ», считая необходимой предпосылкой «отмѣну уніи», но не отрицая желательности учрежденія впоследствии «третьяго», общаго парламента для внѣшнихъ сношеній и военной обороны ¹⁾. После освобожденія изъ тюрьмы, чувствуя упадокъ движенія въ Ирландіи, онъ пошелъ еще дальше, отказываясь отъ «отмѣны» и требуя для «мѣстнаго ирландскаго собранія» только завѣдыванія «такими дѣлами, какъ мѣстное обложеніе, призрѣніе бѣдныхъ и развитіе естественныхъ ресурсовъ страны», съ оставленіемъ общихъ дѣлъ въ вѣдѣніи «парламента Соединеннаго Королевства». Но такая попытка компромисса въ то время оказалась преждевременной. Она только ускорила разрывъ О'Коннеля съ «Молодой Ирландіей», которая заявляла, что право голоса въ имперскихъ судьбахъ Англіи недостаточная компенсація за незначительное ограниченіе исключительнаго права самоопредѣленія Ирландіи, и что ничто не можетъ удовлетворить ее, кромѣ восстановленія «древней и исторической конституціи» Ирландіи ¹⁾. После смерти О'Коннеля (въ 1847 г.) партія его совершенно распалась. «Молодая Ирландія» въ 1848 г. кончила траги-комической попыткой вооруженнаго возстанія.

Между тѣмъ установленная въ интересахъ «державной народности» экономическая система привела къ прямой экономической гибели страны. Разгромленная въ концѣ XVII вѣка ирландская промышленность въ періодъ парламента Греттена какъ будто начала опять становиться на ноги. После уніи эти слабые зародыши погибли уже благодаря свободной конкуренціи съ промышленностью англійской ²⁾. Земля продолжала оставаться единственнымъ средствомъ пропитанія массъ. Благодаря увеличенію полей на счетъ пастбищъ, въ началѣ XIX вѣка, вследствие созданныхъ континентальной системой высокихъ цѣнъ на ирландскій хлѣбъ въ Англіи, — катастрофа была отдалена. Съ окончаніемъ войны цѣны на хлѣбъ пали, но арендная плата, требуемая лэндлордами, не уменьшалась. Страшный голодъ 1846 г. былъ поворотнымъ пунктомъ. Лэндлорды, лишенные возможности собирать ренту, снова приступили къ грандіознымъ «очисткамъ» для увеличенія пастбищъ; ирландскому

¹⁾ Ibid., p. 115, 169, 180.

²⁾ Впрочемъ, дѣйствительной причиной ихъ гибели является не самый фактъ конкуренціи, а чрезвычайно низкій матеріальный и умственный уровень населенія.

населенію оставалась только эмиграція, достигшая апогея въ 50-хъ годахъ¹⁾, но продолжавшаяся съ большой, хотя и ослабѣвшей послѣ 1885 г., энергіей до конца вѣка. «Ирландцы исчезаютъ какъ краснокожіе», торжествующе писалъ «Times» въ 1851 г. Но послѣдствіемъ эмиграціи было не «англицизація», а просто обезлюденіе страны. Съ 8¹/₂ милліоновъ въ 1846 число населенія упало въ 1885 г. до 4 мил. Въ Америкѣ возникла «Новая Ирландія», бывшая долгіе годы наиболѣе активнымъ факторомъ американской англофобіи и средоточіемъ ирландскихъ революціонныхъ организацій.

Благодаря этому неслыханному «исходу» политическая активность ирландскаго населенія временно ослабѣла. На 20 лѣтъ ирландскій вопросъ «исчезъ» со сцены англійской политики. Ирландское представительство распредѣлялось по старому между англійскими партіями. Въ 60-хъ годахъ возникшая и управляемая «съ того берега» конспиративная организація «феніевъ» (clan-na-Gael), надѣявшаяся добиться независимости Ирландіи посредствомъ возстанія одновременно съ походомъ на Канаду въ союзѣ съ Америкой, ознаменовала возрожденіе протеста. Снова начались жестокія репрессіи. Кровавыя покушенія въ Манчестерѣ и Лондонѣ, и послѣдовавшія за ними казни наконецъ разбудили Англію.

Но Англія была уже не та. Единодержавіе аристократіи давнымъ давно кончилось. Буржуазія господствовала на выборахъ; либеральная партія была теперь ея партией *par excellence*. А за спиною ея уже выдвигалась только что призванная къ власти избирательной реформой 1867 г. подлинная демократія. Такіе люди, какъ Милль и Брайтъ горячо взялись за борьбу съ той системой, которая привела къ тому, что «если бы ирландскій народъ могъ сдвинуть свой островъ съ мѣста, онъ отодвинулъ бы его на много миль на западъ»²⁾. Лондонскіе рабочіе требовали помилованія осужденныхъ феніевъ. Наконецъ 19 декабря 1868 г. на митингѣ въ Соутпортѣ лидеръ либеральной партіи Гладстонъ поднялъ знамя «ирландской политики по ирландскимъ принципамъ» (*Irish policy on Irish lines*). За этимъ послѣдовали его знаменитыя «три резолюціи» (объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Ирландіи). На выборахъ того же года эта политика была утверждена новымъ избирательнымъ корпусомъ. Первое министерство Гладстона («великое министерство») было образовано на основѣ программы реформъ для Ирландіи. Въ исторіи несчастной страны началась новая эра.

¹⁾ Въ одномъ 1851 г. выселилось 34% населенія. Paul Dubois, p. 336.

²⁾ Mc. Carthy, History of our own times, IV, p. 192.

III.

Если о Гладстонѣ иногда говорятъ, что отъ него «пошло» вообще «все» въ современной Англии, то это въ особенности примѣнимо къ Ирландіи. Онъ не только является поистинѣ «творцомъ» современной Ирландіи въ экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ, но и всѣ предлагаемыя въ настоящее время рѣшенія ирландскаго вопроса — и политика поддержанія уніи посредствомъ «реформъ» (нынѣ официальная политика консерваторовъ) и «гомруль» и «деволюція» — имъ въ разные періоды его дѣятельности выдвинуты и оформлены. И однако же всю эту дѣятельность проникаетъ одинъ принципъ, знаменовавшій разъ навсегда полный разрывъ съ прежними отношеніями двухъ странъ. Это — признаніе равноцѣнности интересовъ Ирландіи и ирландцевъ, именно какъ англійской территоріи и англійскихъ гражданъ, съ интересами Англии и англичанъ. Первымъ шагомъ на этомъ пути логически являлось разрушеніе построеннаго съ такими усиліями зданія «протестантской гегемоніи». Это не было отказомъ отъ уніи. Напротивъ! «Я не хочу отчаяться», — заявлялъ Гладстонъ въ Соутпортской рѣчи, «въ томъ, чтобы наконецъ ассимилировать съ нами островъ, находящійся на разстояніи трехъ часовъ отъ нашихъ береговъ и бывший въ теченіе 6 столѣтій подъ нашимъ господствующимъ вліяніемъ». Но именно для этого онъ считалъ нужнымъ срубить посаженный на ирландской почвѣ «анчаръ» (uras tree) «гегемоніи» съ его тремя вѣтвями: государственной церковью ничтожнаго меньшинства, системой землевладѣнія, приведшей къ обнищанію и опустошенію страны, и «протестантскимъ» высшимъ образованіемъ¹⁾. Въ 1869 г. установлено дѣйствительное религиозное равенство. Въ 1870 г., признаніемъ за арендаторомъ права вознагражденія за созданную имъ повышенную цѣнность земли и за расторженіе договора безъ достаточныхъ основаній былъ сдѣланъ первый (хотя и совершенно недостаточный) шагъ на пути ограниченія абсолютнаго права собственности лэндлордовъ²⁾.

Наступленіе новой эры повлекло за собой и возрожденіе вопроса объ автономіи Ирландіи въ конституціонныхъ формахъ. О полной «отмѣнѣ уніи» теперь уже не было рѣчи. Послѣ удачнаго опыта съ квази-федеральнымъ устройствомъ въ Канадѣ, послѣ торжества американской федераціи въ войнѣ за освобожденіе негровъ, послѣ

¹⁾ Morley, Life of Gladstone, I, p. 655.

²⁾ Вопросъ о высшемъ образованіи послѣ длинныхъ перипетій окончательно разрѣшенъ учрежденіемъ «національнаго ирландскаго университета» въ 1909 г.

учреждения германской империи, «федерализм» былъ въ модѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ онъ существовалъ въ видѣ неопредѣленной идеи, подѣ которой можно было понимать и замѣну унитарнаго государства федераціей между Великобританіей и Ирландіей на основѣ возстановленія ирландскаго государства, и учрежденіе парламентомъ Соединеннаго Королевства подчиненнаго ему ирландскаго законодательнаго собранія. Теперь идея федерализма развилась въ обоихъ направленьяхъ. Съ одной стороны выставляется основанное на историческомъ и національномъ правѣ Ирландіи требованіе автономіи Ирландіи, какъ частичной отмѣны уніи — автономіи, противопоставляющей Ирландію Великобританіи, какъ цѣлому. Съ другой стороны выдвигается основанная на соображеніяхъ государственной цѣлесообразности мысль о законодательной децентрализаціи для всѣхъ частей Соед. Королевства, какъ расширенномъ мѣстномъ самоуправленіи и при неприкосновенности государственнаго единства, и, въ частности, объ учрежденіи въ Ирландіи представительнаго органа съ делегированными британскимъ парламентомъ функціями. Въ постепенномъ сближеніи этихъ двухъ тенденцій, путемъ постепеннаго смягченія первой и наоборотъ расширенія и углубленія второй, вплоть до полнаго слиянія ихъ въ настоящее время, и состоитъ дальнѣйшая исторія вопроса объ автономіи Ирландіи.

19 мая 1870 г. возникла Home Government Association, во главѣ которой сталъ протестантъ адвокатъ Исаакъ Буттъ. Въ 1873 г. она была преобразована въ Home Rule Confederation. Словами Home Rule — буквально домашнее правленіе — выражалась та мысль, что Ирландія должна имѣть собственное, «домашнее» правленіе, но только для внутреннихъ, «домашнихъ» дѣлъ. Программа ассоціаціи требовала возстановленія стараго ирландскаго парламента, состоящаго изъ «королевы и ея преемниковъ, лордовъ и общинъ Ирландіи», «обеспеченія» этому парламенту «подѣ властью федеральной конституціи» (under a federal arrangement) исключительнаго права законодательства по внутреннимъ дѣламъ Ирландіи, съ передачей иностранныхъ и колониальныхъ дѣлъ и обороны имперіи особому «имперскому парламенту» (an imperial parliament). По плану Бутта въ эту федерацію должны были впоследствии войти на тѣхъ же основаніяхъ и колоніи¹⁾. Такимъ образомъ Соед. Королевство, какъ унитарное государство, должно было быть замѣнено сначала федераціей между Великобританіей и Ирландіей, а затѣмъ федераціей общеимперской — федераціей въ строго-юридическомъ

¹⁾ Barry O'Brien, l. c., p. 333. F. O'Donnell, History of the Irish parliamentary party, 1910, I, p. 47—51.

смыслѣ, союзнымъ государствомъ, въ которомъ Великобританія, Ирландія и колоніи должны были быть равноправными государствами-членами¹⁾. Требованіе возстановленія ирландскаго государства, но какъ государства несuverеннаго, являлось логически первымъ шагомъ на пути смягченія требованія безусловной «отмѣны уніи»²⁾.

На выборахъ 1874 г. (на которыхъ въ Англіи побѣдили консерваторы) было избрано 58 гомрулеровъ. Въ томъ же году Буттъ предложилъ поправку къ адресу въ пользу гомруля. Противъ него выступилъ Гладстонъ, заявившій, что онъ отказывается видѣть въ требованіи автономіи желаніе всего ирландскаго народа³⁾. Онъ былъ не совсѣмъ неправъ. Первенствующую роль въ новомъ автономистскомъ движеніи игралъ опять-таки «командующій классъ» Ирландіи. Въ рукахъ Гладстона унія стала принимать довольно странный характеръ и значительной группѣ «собственникововъ Ирландіи» показалось, что при «невмѣшательствѣ» Англіи въ ихъ «внутреннія дѣла» пожалуй будетъ лучше. Объ истинныхъ вождельніяхъ этихъ «первыхъ», «респектабельныхъ» гомрулеровъ можно судить, какъ по настойчиво подчеркиваемой необходимости возстановленія ирландской палаты лордовъ, такъ и по одной изъ резолюцій конференціи (Home Rule conference) 1873 г. (при учрежденіи конфедерациі), гдѣ заявлялось, что «мы согласны» на то, чтобы въ федеральную конституцію были введены статьи, устанавливающія «гарантіи противъ вмѣшательства этого (ирландскаго) парламента въ существующія условія землевладѣнія». Такимъ образомъ, ирландское дворянство, стремясь къ «нонъ-интервенціи» англійскаго либерализма, «соглашалось» на такія гарантіи «англійскихъ интересовъ», какъ палата лордовъ, изъ него же составленная, и англійскіе штыки, охраняющіе его имѣнія⁴⁾... Но такому хорошо намъ

¹⁾ А. Яценко въ главѣ объ «англійскомъ федерализмѣ» именно этого слона, къ сожалѣнію, не замѣтилъ. Онъ говоритъ объ гомрулѣ, лишь начиная съ 80-хъ годовъ, когда, какъ увидимъ, произошелъ уже отказъ отъ федерализма въ собственномъ смыслѣ. См. Яценко, Федерализмъ, стран. 600.

²⁾ Впрочемъ, практически создать федеральный парламентъ Буттъ предполагалъ посредствомъ призыва представителей Ирландіи, а затѣмъ и представителей колоній въ опредѣленныхъ случаяхъ въ англійскій парламентъ.

³⁾ O'Donnell, I, p. 98. Mc. Carthy, VI, p. 205. Подобныя же предложенія вносились затѣмъ ежегодно и, конечно, безуспѣшно.

⁴⁾ O'Donnell, I, p. 55, 66, 90. Крайне характерны нападки этого участника «перваго гомруля», съ одной стороны, на позднѣйшихъ націоналистовъ за отказъ отъ ирландской государственности и превращеніе англійскаго казначейства въ главнаго земельного собственника въ Ирландіи, а съ другой стороны, на англійскій парламентъ за уничтоженіе всѣхъ «англійскихъ учрежденій» (англійской церкви, англійскаго дворянства и его руководящей роли въ самоуправленіи) въ Ирландіи. I, p. 56, 285. См. также Mc. Carthy, V, p. 214.

знакомому, «дворянскому» автономизму не суждено было вырасти въ Ирландіи. Политику этой группы инициаторовъ движенія можно формулировать, перефразируя извѣстный лозунгъ соотвѣтствующей по социальнымъ интересамъ части автономистовъ польскихъ: «за ирландской шляхтой ирландскій людъ!» Но «людъ» на удочку не поддался. Ирландская демократія присоединилась къ «гомрулю», но использовала его въ своихъ интересахъ. Уже въ 1875 году начался расколъ между «респектабельными» гомрулерами или «вигами» и «радикалами» или «націоналистами». Эти послѣдніе, требуя болѣе рѣшительной парламентской тактики, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали аграрный вопросъ на первый планъ на ряду съ политическимъ. Въ 1879 г. это теченіе, въ связи съ вспыхнувшимъ, благодаря голоду и новымъ «очисткамъ», аграрнымъ движеніемъ, организовалось во главѣ съ Парнеллемъ и Дэвиттомъ, въ «земельной лигѣ» (въ 1882 г. переименованной въ «національную лигу», а въ 1898 г. реорганизованной подъ именемъ «объединенной ирландской лиги», являющейся до настоящаго времени официальной партійной организаціей націоналистовъ), построенной на чисто-демократическихъ основаніяхъ. Новое демократическое движеніе уже вовсе не носило принципиально-вѣроисповѣднаго, а тѣмъ менѣе клерикальнаго характера. Новый «некоронованный король» Ирландіи, Парнелль, былъ протестантъ. Но на ряду съ элементомъ социальнымъ, въ новомъ движеніи былъ весьма силенъ элементъ ирландскаго въ собственномъ смыслѣ, «кельтскаго» націонализма. Вражда противъ «Англіи» была у «первыхъ гомрулеровъ» тактическимъ приѣмомъ; у ирландскихъ крестьянъ, а въ особенности у эмигрантовъ въ Америкѣ англофобія была чувствомъ вполне реальнымъ. И однако же, благодаря реальной солидарности интересовъ двухъ демократій, именно этому движенію удалось добиться автономіи вполне мирнымъ путемъ, именно съ нимъ англійскій народъ могъ заключить соглашеніе на почвѣ автономіи, не нарушающей государственнаго единства... Впрочемъ, первые шаги націоналистовъ едва ли внушали надежду на такой финаль. Если ирландскіе крестьяне въ это время «изобрѣли» бойкотъ, то депутатамъ-націоналистамъ принадлежитъ сомнительная честь введенія въ обиходъ англійскаго парламента обструкціи, и при томъ съ исключительно вредными цѣлями. «Надо показать англичанамъ, — говорилъ инициаторъ этой тактики Ронэйнь, что если мы недостаточно сильны, чтобы провести то, что намъ нужно, то мы достаточно сильны, чтобы помѣшать имъ проводить то, что имъ нужно». «Нѣтъ ирландскихъ биллей; такъ не будетъ и англійскихъ, — говорилъ депутатъ Биггаръ. — Никакого законодательства: вотъ наша политика!» Поэтому обструкція при-

мѣнялась не только къ нежелательнымъ законопроектамъ относительно Ирландіи, но и къ другимъ важнымъ биллямъ, чтобы заставить парламентъ внять требованіямъ ирландцевъ. Англійскому парламенту грозила опасность потерять господство въ своемъ собственномъ домѣ.

А между тѣмъ ирландская обструкція только довела до крайней степени затрудненія, вызывавшіяся и безъ того существовавшимъ перегруженіемъ дѣлами (congestion) парламента; на это явленіе было обращено вниманіе еще въ 40-хъ годахъ. Трудность проведенія биллей относительно мѣстныхъ нуждъ существовала не только для ирландцевъ, хотя для нихъ она осложнялась принципиально-отрицательнымъ отношеніемъ парламента къ ихъ требованіямъ. При такихъ условіяхъ естественно должна была представиться мысль о выходѣ изъ получившагося бессмысленнаго положенія, посредствомъ делегаціи въ извѣстномъ объемѣ законодательныхъ правъ по мѣстнымъ дѣламъ, какимъ-либо мѣстнымъ органамъ, отдѣльныхъ частей королевства, безъ всякаго ущерба для полновластія парламента и безъ всякаго принципиально-особаго положенія Ирландіи, тѣмъ болѣе, что такая система казалась противовѣсомъ гомрулю. Формулировка этой мысли принадлежитъ опять-таки Гладстону. «У насъ перегруженный парламентъ, — заявилъ онъ въ одной изъ знаменитыхъ Мидлотіанскихъ рѣчей въ 1879 г., — и если Ирландія или какая-либо другая часть страны можетъ и хочетъ взять на себя мѣстное законодательство или часть его и тѣмъ освободить и усилить парламентъ для общегосударственныхъ (imperial) дѣлъ, то я готовъ къ ревностной поддержкѣ такого плана». Такая децентрализація явилась бы по его мнѣнію только развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, для котораго онъ не признаетъ никакихъ абстрактныхъ границъ, кромѣ безусловнаго верховенства парламента и возможности распространенія всякой подобной мѣры на всѣ части королевства: «Я не соглашусь предоставить Ирландіи никакого принципа, ничего, что бы не было предложено Шотландіи и различнымъ частямъ Соединенаго Королевства» ¹⁾. Такимъ образомъ вся принципиальная и государственно-правовая сторона законодательной децентрализація была уже опредѣлена съ точностью. Но, несмотря на широкую формулировку, едва ли можно сомнѣваться, что фактически Гладстонъ непосредственно имѣлъ въ виду лишь делегацію немногихъ менѣе важныхъ законодательныхъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, толчокъ былъ данъ. «Деволуція» (слово, впервые

¹⁾ Earl of Dunraven, The history of devolution, «The new Irish Constitution», p. 341.

употребленное также Гладстономъ въ 1885 г. ¹⁾), стала пропагандироваться въ противовѣсь гомрулю.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ ирландской автономіи къ тому моменту, когда, разгромивъ джингоизмъ Биконсфильда, Гладстонъ въ 1880 г. вернулся къ власти фактически въ качествѣ непосредственно избраннаго народомъ диктатора.

1880—1885 гг. были періодомъ революціоннаго перелома въ исторіи Ирландіи. Высоко вздымались волны аграрнаго движенія, къ которому присоединялся аграрный, а затѣмъ и политическій терроръ. Въ парламентѣ обструкція націоналистовъ дошла до крайнихъ предѣловъ. Всякое законодательство, кромѣ ирландскаго, фактически было приостановлено. Съ другой стороны «хозяева Ирландіи» цѣпко держались за свои привилегіи. Въ Ульстерѣ шла настоящая гражданская война между оранжистами и націоналистами. Посреди всей этой бури правительство съ желѣзной энергіей шло своимъ путемъ. Въ 1881 г. Habeas Corpus Act былъ приостановленъ; всѣ вожди лиги перебивали въ тюрьмахъ. Въ Кильмэйнгемской тюрьмѣ съ арестованнымъ Парнеллемъ былъ заключенъ извѣстный «договоръ» о возстановленіи нормальнаго порядка управленія и аграрной реформѣ, подъ условіемъ отказа отъ обструкціи. Но послѣ убійства лорда Кавендиша въ 1882 г. правительство вернулось къ исключительному законодательству. Теперь, въ борьбѣ съ обструкціей былъ совершенъ радикальный переворотъ въ дѣлопроизводствѣ палаты общинъ; впервые было введено прекращеніе преній (closure), которое затѣмъ оказало столь рѣшительное вліяніе на общее развитіе англійскаго парламентаризма. Въ то же время лэндлордизму былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Закономъ 1882 г. земельная аренда въ Ирландіи была превращена въ вѣчно-наслѣдственное, вѣчное и свободно-отчуждаемое право съ принудительнымъ опредѣленіемъ ренты каждыя пятнадцать лѣтъ особыми учрежденіями. Гладстонъ, который провелъ этотъ законъ фактически единолично, противъ воли кабинета и обѣихъ палатъ, при весьма слабой поддержкѣ со стороны самихъ націоналистовъ ²⁾), рассчитывалъ на результаты продолжительнаго и неуклоннаго дѣйствія устроеннаго имъ аппарата. Но для даннаго момента облегченіе положенія крестьянъ было весьма незначительно. Смута въ Ирландіи продолжалась. Между тѣмъ въ 1885 г. истекалъ срокъ дѣйствія исключительнаго закона. Бесплодность репрессій выяснялась чѣмъ дальше, тѣмъ больше; въ либеральной партіи начиналось

¹⁾ Ibid., p. 343.

²⁾ Morley, Life of Gladstone, II, p. 220.

глухое броженіе. При обсужденіи въ кабинетѣ вопроса объ организаціи въ Ирландіи мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ, представитель радикальнаго крыла Чемберлэнъ предложилъ «увѣнчаніе зданія» въ видѣ центрального собранія изъ представителей органовъ самоуправления съ почти исключительно административными функціями, но какъ первый шагъ на пути деволюціи. Проектъ этотъ, несмотря на поддержку Гладстона, былъ отвергнутъ большинствомъ министерства ¹⁾. Благодаря недовольству многихъ либераловъ возвѣщеннымъ правительствомъ возобновленіемъ исключительнаго закона, консерваторамъ и націоналистамъ удалось, наконецъ, свергнуть «второго Кромвелля». Новое консервативное правительство начало съ заигрыванія съ гомрулемъ. Первый министръ лордъ Сольсбери заявлялъ, что, уничтоживъ систему управленія съ помощью землевладѣльцевъ, Гладстонъ не создалъ вмѣсто нея ничего «положительнаго». Намѣстникъ лордъ Карнарвонъ вступилъ въ прямые переговоры съ Парнеллемъ ²⁾. Консерваторы получили желанную поддержку націоналистовъ на выборахъ. Несмотря на это исходъ выборовъ въ Англійи былъ нерѣшительный. Зато въ Ирландіи, эти выборы, произведенные по закону Гладстона предыдущаго года, призвавшему къ урнамъ всю крестьянскую массу, дали потрясающій результатъ. Съ 35 депутатовъ національная партія возросла до 85, изъ общаго числа 103 представителей Ирландіи; гомрулеры-виги совершенно исчезли. Ирландская демократія категорически и разъ навсегда сказала свое слово; на всѣхъ послѣдующихъ выборахъ вплоть до настоящаго времени число націоналистовъ осталось на этомъ же уровнѣ. Благодаря распредѣленію силъ между англійскими партіями Парнелль оказался рѣшителемъ судебъ государства. Гладстонъ изъ всѣхъ силъ старался удержать консерваторовъ у власти, чтобы дать имъ возможность провести автономію Ирландіи съ большимъ удобствомъ, чѣмъ то могли бы либералы ³⁾. Но когда отъ игры въ гомруль пришлось неожиданно перейти къ дѣлу, Сольсбери не рѣшился пожертвовать интересами лэндлордовъ; въ концѣ концовъ правительство ничего не успѣло предложить націоналистамъ кромѣ новаго исключительнаго закона и было немедленно свергнуто. Для Гладстона, снова ставшаго у власти, не подлежало сомнѣнію, что теперь оставалась единственная альтернатива между conciliation и coercion: между соглашеніемъ съ ирландскимъ народомъ, категорически высказавшимъ конституціоннымъ путемъ свое требованіе, обязательное для страны, десятки

¹⁾ Ibid., II, p. 323—326.

²⁾ Ibid., II, p. 338, 350 ss., 360 ss., 372.

³⁾ Ibid., II, p. 373—383.

лѣтъ ставившей принципъ самоопредѣленія національностей въ основу своей иностранной политики, достигшей, съ помощью территориальныхъ автономій блестящихъ результатовъ въ колоніяхъ, и продолженіемъ политики репрессій, отнынѣ безнадежныхъ и лишенныхъ моральнаго основанія, — между «традиціями, составляющими славу Англій» и «традиціями, составляющими единственное огромное черное пятно на этой славѣ»¹⁾; что необходимо выйти изъ того положенія, при которомъ ирландскій народъ лишень возможности работать себѣ на пользу, но обладаетъ огромной силой, чтобы вредить Англій. И для разрѣшенія этого «государственнаго (imperial) кризиса» онъ сознательно пошелъ на расколъ въ либеральной партіи. Ирландскій вопросъ далеко не былъ внутренней причиной этого раскола, намѣчавшагося еще со времени провозглашенной Гладстономъ въ 1880 г. борьбы «массъ противъ классовъ»; то былъ расколъ аристократическаго «витгизма» и плутократическаго «манчестерства» съ новымъ «радикализмомъ», все болѣе принимавшимъ социальную окраску. Можно сказать, что на вопросѣ о гомрултѣ англійская демократія впервые признала самое себя. Теперь, классовый характеръ ирландскаго вопроса ясно опредѣлился и въ Англій. Между тѣмъ, какъ всѣ «силы богатства, сословнаго и общественнаго положенія»²⁾ энергично и злобно объединялись противъ правительства, между тѣмъ какъ въ аристократическихъ клубахъ производились цѣлыя гекатомбы исключеній, знатныя лэди энергично очищали списки своихъ гостей и выбрасывали въ кладовую портреты Гладстона, и старикъ боялся пустоты на обычномъ обѣдѣ въ день его рожденія, а послѣ этого обѣда удивлялся, что не былъ предложенъ тостъ о выраженіи ему недоувѣрія, — популярность его среди массъ достигла апогея; мѣстныя либеральныя ассоціи категорически высказались въ пользу политики вождя и бунтовщики - либералы оказались отщепенцами отъ партіи³⁾.

По содержанию правительственный проектъ 1886 г. имѣлъ весьма мало общаго съ «гомрудемъ» въ первоначальномъ смыслѣ. Въ основу его по мысли секретаря Ирландіи Морлея былъ положенъ принципъ колониальной автономіи. Ирландія исключалась изъ состава территорій, образующей великобританское государство и переводилась въ другой разрядъ территорій, этому государству принадлежащихъ: «британскихъ владѣній». Это выражалось въ условно - конклюдентномъ по англійскому праву признакѣ:

1) Ibid., II, p. 377, 397 ss., 435.

2) Докладъ Гладстона королевѣ 9 іюня 1886 г., Ibid., II, p. 436.

3) Ibid., II, p. 399, 421—423.

въ исключеніи представителей Ирландіи изъ парламента, который въ биллѣ не именовался ни «великобританскимъ», какъ до 1800 г., ни «парламентомъ Соед. Королевства», какъ съ тѣхъ поръ, а величался громкимъ титуломъ «имперскаго парламента». Въ качествѣ британскаго владѣнія Ирландія и получала «статутарную» (т. е. основанную на англійскомъ законѣ) автономію. Но автономія эта была значительно уже обычнаго типа колоніальныхъ автономій. Такъ изъ вѣдѣнія ирландскаго законодательнаго собранія ¹⁾ исключались устройство какихъ бы то ни было вооруженныхъ силъ и таможенное обложеніе ²⁾. Эти дѣла оставались въ вѣдѣніи англійскаго парламента. Такимъ образомъ ни о какомъ «федерализмѣ» не было и рѣчи: дѣла, признававшіяся общими, вѣдались односторонне Англійей. Любопытно отмѣтить, что въ биллѣ въ первый и послѣдній разъ дѣлалась попытка отреченія англійскаго парламента отъ неограниченной власти формально принадлежащей ему въ предѣлахъ всей имперіи. Въ вѣдѣніи его оставались только «дѣла, по коимъ право законодательства не предоставлено ирландскому законодательному собранію» (ст. 37). Но на дѣлѣ это формальное отреченіе означало не меньшій, а большій объемъ власти парламента. Между тѣмъ какъ англійское законодательство въ области вопросовъ, подлежащихъ законодательству колоніальному или въ измѣненіе колоніальныхъ конституцій признается недопустимымъ безъ согласія самой колоніи и напротивъ право такого измѣненія было закономъ 1865 г. предоставлено въ извѣстныхъ предѣлахъ самимъ колоніямъ, — Ирландія не получала такого права и обратно определенно устанавливался порядокъ пересмотра ирландской конституціи англійскимъ закономъ путемъ особаго на сей предметъ призыва въ парламентъ избранныхъ ирландскимъ законодательнымъ собраніемъ представителей (или послѣ предварительнаго согласія ирландскаго собранія (ст. 39). Такимъ образомъ гомруль по этому биллю уже не былъ «отмѣной уніи» 1800 г. Ни «парламентъ Греттена», ни вообще «ирландское королевство», какъ государство, не возстановлялись. Напротивъ, англійскій парламентъ превращалъ Ирландію, какъ область ему подчиненную, въ новый территоріальный союзъ на опредѣленныхъ имъ основаніяхъ и съ делегированными имъ полномочіями, безъ права «самоорганизованія». Но то было несомнѣнное

¹⁾ Оно должно было состоять изъ двухъ «сословій» (orders — первое, основанное на высокомъ имущественномъ цензѣ), составляющихъ одно собраніе, но голосующихъ въ случаѣ требованія одного изъ нихъ отдѣльно.

²⁾ Часть таможеннаго дохода на основаніи опредѣленной пропорціи должна была идти въ англійское казначейство на общіе расходы; такимъ образомъ въ противорѣчіе основному принципу государственнаго строя Англии и всей имперіи устанавливалось «обложеніе безъ представительства». См. Mc. Carthy, VI, p. 217.

ослабленіе государственнаго единства. Ирландія превращалась изъ части великобританскаго государства въ «состоящую при немъ» (Nebenland) «организованную область» или «государственный ффрагментъ» по классификаціи Еллинека.

Вопреки опасеніямъ Парнелль принялъ билль, какъ полное удовлетвореніе требованій Ирландіи. То былъ отказъ навсегда отъ «историческаго права» и ирландской государственности («парламента Греттена») и огромный шагъ на пути къ добровольному признанію государственнаго единства. Но тѣмъ ожесточеннѣе велась борьба со стороны консерваторовъ и «либеральныхъ уніонистовъ». Ничего подобнаго по страстности Англія не видѣла съ 1832 г. Притомъ и среди враговъ и среди друзей царилъ невообразимый хаосъ взглядовъ и требованій, въ которомъ билль въ концѣ концовъ и погибъ. Ирландскіе лэндлорды разумѣется громче всѣхъ кричали объ «отторженіи» и рисовали ужасныя картины будущей «измѣны» и угнетенія всего англійскаго, основанныя по ироническому замѣчанію Гладстона на предположеніи у ирландскаго народа «двойной дозы первороднаго грѣха». Но они же протестовали противъ превращенія Ирландіи «въ своекорыстныхъ цѣляхъ Англіи» въ зависимую и обложенную данью колонію ¹⁾. Лордъ Сольсбери, до того требовавшій «положительной политики» теперь заявилъ, что Ирландіи нужна не автономія, а «двадцать лѣтъ рѣшительнаго управленія» и выселеніе милліона ирландцевъ. Ульстерцы изъ чрезвычайной лойяльности собирались возставать: «Ulster will fight and Ulster will be right», объявилъ лордъ Р. Черчилль въ ставшей поговоркой фразѣ. Но фатальный ударъ биллю былъ нанесенъ недавнимъ вождемъ «радикаловъ». Чемберленъ объявилъ себя сторонникомъ принципа автономіи для Ирландіи, но противопоставилъ автономіи колоніальной «делегацію власти, а не отреченіе отъ нея» ²⁾, а именно автономію «на федеральныхъ началахъ, какъ болѣе соответствующихъ демократическимъ требованіямъ» ³⁾. Но этотъ «федерализмъ» представлялъ собой полную противоположность федерализму Бутта — федераціи Великобританіи и Ирландіи, какъ двухъ государствъ. Чемберленъ предлагалъ делегацію Ирландіи конкретно-перечисленныхъ законодательныхъ правъ при неперемѣнномъ сохраненіи представителей Ирландіи въ парламентъ и какъ первый шагъ на пути «федерализаціи» всего Соед. Королевства посредствомъ подобныхъ же мѣръ для остальныхъ его частей ⁴⁾. Отношенія

¹⁾ Morley, II, p. 416, 418.

²⁾ Earl of Dunraven, l. c., p. 344.

³⁾ Morley, II, pp. 417, 427.

⁴⁾ Ibid., II, p. 406.

между Великобританіей и Ирландіей должны были быть по его мнѣнію построены не по аналогіи отношеній между Великобританіей и Канадой — «это ложныя основанія, ведущія къ отторженію» — а по аналогіи отношеній между Канадой и ея провинціями ¹⁾. Но эта аналогія, при тождествѣ центральной власти и власти, устанавливающей конституцію провинціи, была искусственной. Въ существѣ дѣла это была нѣсколько расширенная старая Гладстонская «деволюція», которая съ этого времени получаетъ также наименованіе федерализма въ этомъ новомъ смыслѣ. Такимъ образомъ двѣ сначала такъ рѣзко противоположныя другъ другу тенденціи значительно сблизились. Но въ данный моментъ выступленіе Чемберлена лишь способствовало гибели билля. Рѣшающимъ Чемберленъ считалъ вопросъ объ ирландскомъ представительствѣ въ Лондонскомъ парламентѣ. Парнелль столь же категорически требовалъ исключенія ирландскихъ членовъ, во избѣжаніе претензій англійскаго парламента на вмѣшательство во внутреннія дѣла Ирландіи ²⁾. Несмотря на предложеніе Гладстона отложить билль послѣ принятія во второмъ чтеніи, для пересмотра этого вопроса, билль былъ отвергнутъ, — группа Чемберлена голосовала въ большинствѣ. На выборахъ консерваторы въ союзѣ съ либеральными уніонистами одержали побѣду.

Шесть лѣтъ консервативнаго владычества (1886—1892 гг.) представляли собою собственно говоря неумѣлое подражаніе старой политикѣ Гладстона: «успокоенія» вмѣстѣ съ «реформами». При проведеніи исключительнаго закона 1887 г. былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ процессѣ урѣзыванія правъ меньшинства и увеличенія вліянія кабинета на парламентъ введеніемъ такъ называемой гильотины. Но въ то же время союзъ двухъ демократій все болѣе укрѣплялся. Параллельно все большому уклону либеральной (или «радикальной») партіи влѣво и начинавшемуся проникновенію въ нее пролетарскихъ элементовъ (въ лицѣ «либеральныхъ рабочихъ») дѣло ирландскаго народа все болѣе становилось ея дѣломъ. Теперь, когда пропаганда исходила отъ официальной оппозиціи, широкіе англійскіе круги впервые узнали объ ирландскихъ ужасахъ; ирландскіе націоналисты стали желанными гостями на либеральныхъ и рабочихъ митингахъ. По ужасному дѣлу о Мичельстонскихъ разстрѣлахъ грозное краснорѣчіе Гладстона вызвало громадное эхо въ странѣ ³⁾. Энергичное участіе оппозиціи въ разоблаченіи извѣстныхъ подложныхъ обвиненій Times'a противъ Пар-

¹⁾ «Parliamentary Debates» (1886), vol. 306, p. 697.

²⁾ Morley, II, p. 423, 429—433.

³⁾ Ibid., II, p. 466 ss.

нелля еще болѣе укрѣпило связь, которая скоро привела и къ результату въ обратномъ смыслѣ. Когда послѣ участія Парнелля въ скандальномъ бракоразводномъ процессѣ Гладстонъ счелъ его дальнѣйшее пребываніе во главѣ партіи нежелательнымъ, престарѣлый англійскій вождь оказался сильнѣе «некоронованнаго короля Ирландіи» въ средѣ самой партіи, созданной послѣднимъ. Когда затѣмъ въ 1892 г. Гладстонъ образовалъ министерство, снова опираясь на коалиціонное большинство, онъ былъ фактически настолько же руководителемъ ирландской, насколько либеральной партіи. Съ полнымъ правомъ могъ онъ при внесеніи новаго билля о гомрулѣ охарактеризовать въ глубоко-прочувствованныхъ словахъ ту цѣль реального объединенія обѣихъ странъ, къ которой онъ непрерывно стремился, несмотря на всѣ колебанія и ошибки, и приближеніемъ къ которой была для него самая автономія Ирландіи: «Было бы недостойно меня, если бы я въ эти послѣдніе годы моей жизни, забылъ или опустилъ какую-либо возможную для меня мѣру на пользу не той или другой партіи, не того или другого народа, но всѣхъ партій и всѣхъ народовъ, обитающихъ на этихъ островахъ; и позвольте мнѣ обратиться къ этимъ народамъ, которыхъ я вижу со всѣми ихъ безконечными возможностями развитія, со всѣмъ ихъ жизненнымъ единеніемъ для могущества и прогресса, позвольте мнѣ просить всѣхъ васъ предоставить мертвымъ хоронить мертвыхъ, отбросить всякое воспоминаніе о прошлыхъ несчастіяхъ и любить и цѣнить и поддерживать другъ друга во всѣхъ измѣнчивостяхъ дѣлъ человѣческихъ въ грядущія времена»¹⁾.

Проектъ 1893 г. въ отношеніи организациі ирландскихъ автономныхъ учрежденій²⁾ и объема ихъ полномочій отличался отъ перваго проекта лишь нѣкоторыми деталями. Но въ опредѣленіи отношеній Ирландіи къ Великобританіи произошла полная перемѣна. О колониальной автономіи не было уже рѣчи. Представители, непосредственно избранные населеніемъ Ирландіи, оставались въ качествѣ постоянныхъ членовъ британскаго парламента. Но то не былъ и «федерализмъ» ни въ смыслѣ Бутта, ни въ смыслѣ Чемберлена. Съ одной стороны правительство съ готовностью приняло поправку оппозиціоннаго депутата Г. Джемса, explicitе постановляющую, что, «не взирая ни на что постановленное въ настоящемъ законѣ, верховное могущество и власть парламента Соед. Королевства Великобританіи и Ирландіи сохраняется безъ всякаго измѣненія и уменьшенія надъ всѣми лицами, вещами и предметами въ пре-

¹⁾ Цит. по Н. Spender, Home Rule, 1912, p. 46.

²⁾ Вводилась двухпалатная системъ, при чемъ верхняя палата (сенатъ) была основана на высокомъ имущественномъ цензѣ.

дѣлахъ всѣхъ владѣній королевы» и указывало, что присутствіе представителей Ирландіи въ британскомъ парламентѣ устанавливаетъ различіе значенія этой полноты власти сравнительно съ чисто-формальнымъ значеніемъ ея по отношенію къ колоніямъ. Съ другой стороны, все же имѣлось въ виду совершенно особое положеніе Ирландіи въ отличіе отъ другихъ частей Соед. Королевства. Самъ Гладстонъ говорилъ о нѣкоторомъ «дуализмѣ» и приводилъ Австро-Венгрію въ видѣ аналогіи, конечно не выдерживающей съ государственно-правовой точки зрѣнія никакой критики. Въ осуществленіе этого дуализма первоначально предполагалось предоставить ирландскимъ членамъ право голоса лишь по дѣламъ, касающимся обѣихъ частей королевства (in and out system). Такимъ образомъ фактически получалось два парламента: парламентъ великобританскій и расширенный парламентъ Соед. Королевства, и Ирландія опредѣленно противопоставлялась Великобританіи, какъ цѣлому. Оппозиція тотчасъ же выяснила всю несообразность такого порядка. Профессоръ Дайси задалъ вопросъ, кто же будетъ разрѣшать вопросъ о томъ, является ли данное дѣло общимъ или нѣтъ: если парламентъ въ полномъ составѣ, то голосованіе по этому вопросу фактически явится голосованіемъ по существу даннаго дѣла¹⁾. Лидеръ оппозиціи Вальфуръ указалъ, что при этомъ порядкѣ парламентарное правленіе станетъ невозможнымъ: министерство сегодня можетъ оказаться въ большинствѣ по англійскому или шотландскому вопросу, а завтра въ меньшинствѣ по вопросу общему. Въ концѣ концовъ Гладстонъ рѣшился пожертвовать этимъ ограниченіемъ права голоса ирландскихъ членовъ. Это былъ несомнѣнно еще шагъ на пути отъ автономіи, выдѣляющей Ирландію, къ автономіи провинціальной. Но оппозиція правильно указала, что при такихъ условіяхъ получается абсурдъ: Ирландія будетъ имѣть автономію по своимъ мѣстнымъ дѣламъ, а Великобританія нѣтъ. Получался заколдованный кругъ, изъ котораго въ предѣлахъ автономіи исключительно для Ирландіи въ самомъ дѣлѣ не было выхода. Это несомнѣнно содѣйствовало охлажденію избирателей къ гомрулю. Съ помощью той же гильотины удалось «протопнуть» билль черезъ палату общинъ, несмотря на организованную обструкцію уніонистской партіи (теперь уже слившейся воедино). Онъ былъ немедленно отвергнутъ палатой лордовъ, «пробудившейся» для борьбы за «единство и нераздѣльность», а на самомъ дѣлѣ противъ соціального радикализма министерства, которое она фактически вовсе лишила возможности проводить законодательныя реформы.

¹⁾ A leap in the dark, 1893.

Завѣщавъ въ своей послѣдней рѣчи всѣмъ своимъ «дѣтямъ» борьбу съ этимъ общимъ врагомъ, патріархъ британской демократіи удалился отъ дѣлъ. Новый премьеръ Розбери отказался отъ немедленнаго проведенія гомруля, а на выборахъ 1895 г., въ которыхъ главную роль играли уже другіе вопросы, уніонисты снова одержали побѣду.

Десятилѣтнее царство реакціоннаго имперіализма въ Англіи вызвало въ Ирландіи временное разочарованіе въ англійской демократіи и даже усиленіе англофобіи, выразившееся въ крайне неприличныхъ формахъ во время южно-африканской войны¹⁾. Но, съ другой стороны, система «гегемоніи» была такъ основательно подорвана реформами Гладстона, что и консервативное правительство могло только итти дальше по проложенному этими реформами пути. Въ аграрномъ вопросѣ оно, въ интересахъ самихъ же лэндлордовъ, принуждено было прибѣгнуть къ единственному возможному выходу изъ созданной Гладстономъ системы «двойственной собственности» — выкупу земли въ полную собственность крестьянъ. Съ паденіемъ лэндлордизма оказалось невозможнымъ и сохраненіе старой системы мѣстнаго самоуправленія, которое и пришлось волей-неволей реорганизовать на демократическихъ началахъ (1898 г.). Но затѣмъ возникалъ вопросъ, не является ли при такихъ условіяхъ анахронизмомъ и послѣдній остатокъ «гегемоніи» — бюрократическій «абсолютизмъ» «Дублинскаго замка»? И вотъ вопросъ о центральномъ органѣ самоуправленія Ирландіи снова выдвигается съ совершенно неожиданной стороны. Послѣ окончанія работъ аграрной конференціи 1903 г. комитетъ этой конференціи, состоявшій изъ лицъ умѣренныхъ возрѣній, выпустилъ по инициативѣ предсѣдателя графа Денрэвена «программу деволюціи». «Придерживаясь твердаго убѣжденія, что парламентское единство Великобританіи и Ирландіи необходимо для политической силы имперіи», авторы программы полагали, что «это единство совмѣстимо съ деволюціей въ пользу Ирландіи мѣстнаго управленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ», и находили, что «такая деволюція, не касаясь предметовъ имперской важности и вопросовъ общаго интереса для всего королевства, была бы благотѣльна для Ирландіи и освободила бы имперскій парламентъ отъ массы дѣлъ... отнимающихъ у него время въ ущербъ вопросамъ болѣе важнымъ». Въ видѣ конкретной мѣры программа предлагала учрежденіе представительнаго совѣта съ функціями финансовыми, административными и правомъ разсмотрѣнія такъ наз. частныхъ биллей, но считала желательной

¹⁾ Paul Dubois, p. 163.

въ будущемъ делегацію и правъ законодательныхъ, сначала посредствомъ передачи тѣхъ или другихъ вопросовъ *ad hoc* ¹⁾. Разыгрался необычайный скандалъ; оказалось, что въ этомъ «заговорѣ» участвовали рядъ видныхъ членовъ уніонистской партіи, въ томъ числѣ намѣстникъ Ирландіи лордъ Дедли и ирландскій секретарь Уиндгемъ. Послѣдовали отставка послѣдняго и рядъ неприятныхъ объясненій, сильно способствовавшихъ распаденію правительства Бальфура. Несмотря на совершенную практическую безрезультатность этого выступленія, оно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ отличіе отъ прежнихъ проектовъ этого рода было задумано, какъ попытка соглашенія «настоящаго гомруля» съ неприкосновенностью уніи. «Деволюція», говоритъ графъ Денрвенъ, «означаетъ делегацію единственной существующей властью — имперскимъ парламентомъ — тѣхъ или другихъ правъ парламенту или собранію — называйте, какъ хотите — учрежденному для осуществленія этихъ правъ. Это слово обязательно означаетъ верховенство и подчиненіе. Деволюція можетъ касаться только функцій административныхъ, или функцій законодательныхъ, или можетъ обнять всѣ правительственныя функціи; тутъ нѣтъ границы, кромѣ самаго права делегаціи центральной власти. Она можетъ передавать какія ей угодно законодательныя и исполнительныя функціи, но она не можетъ лишити себя права взять ихъ обратно. Поэтому деволюція несовмѣстима съ отмѣной уніи, но она совмѣстима, мало того, она неразличима, отъ какой бы то ни было концепціи гомруля, признающей верховенство имперскаго парламента» ²⁾. Это верховенство уже было признано проектомъ 1892 г. И на самомъ дѣлѣ «гомруль» и «деволюція» были близки къ слянію. Слабая сторона программы 1903 г. заключалась въ незначительности конкретныхъ предложеній. Она была отвергнута націоналистами, хотя вождь ихъ Редмондъ пріѣтствовалъ ее, какъ «моральную побѣду» ³⁾.

На выборахъ 1906 г. либеральная партія, желая, какъ она заявила, получить отъ избирателей категорическій отвѣтъ по вопросу о протекціонизмѣ, обязалась не проводить гомруля въ данномъ парламентѣ ⁴⁾. На самомъ дѣлѣ она по всей вѣроятности не хотѣла,

¹⁾ Dunraven, l. c., p. 347 ss.

²⁾ Ibid., p. 339.

³⁾ Ibid., p. 338.

⁴⁾ Въ 1907 г. правительство Кэмпбелль-Баннерманна внесло билль объ учрежденіи совѣта при намѣстникѣ съ функціями, еще болѣе ограниченными, нежели предлагала программа деволюціи, категорически указывая, что этотъ билль не имѣетъ ничего общаго съ гомрулемъ, который будетъ поставленъ на очередь, какъ только руки правительства будутъ развязаны. Билль былъ отвергнутъ націоналистами, и въ доказательство своей искренности правительство, несмотря на абсолютное большинство либераловъ въ парламентѣ, немедленно отъ него отказалось.

чтобы несомненно предстоявший конфликт съ палатой лордовъ произошелъ на этой выгодной для лордовъ почвѣ. Расчетъ блестяще оправдался. Палата лордовъ принуждена была «показать лицо», конфликтъ разыгрался на почвѣ бюджета, на почвѣ непосредственныхъ классовыхъ интересовъ лордовъ, для защиты которыхъ они пошли на прямое нарушеніе той конституціи, которую они якобы охраняли отъ гомруля. Принимая брошенную отклоненіемъ бюджета 1909 г. перчатку, правительство свободно могло апеллировать къ интересамъ всей британской демократіи. Открывая на митингѣ въ Albert Hall'ѣ весною 1910 г. избирательную кампанію, первый министръ Асквиль указалъ на гомруль, какъ на одну изъ первыхъ мѣръ, подлежащихъ проведенію при посредствѣ ограниченія вето лордовъ. Послѣ этого уніонисты разумѣется выѣзжали на «отторженіи Ирландіи», какъ единственной цѣли вето — билля¹⁾ (что имъ не помѣшало впоследствии утверждать, что въ 1910 г. вопросъ о гомрулѣ не стоялъ передъ избирателями). Но было уже поздно. Народъ узналъ истинный смыслъ «патріотизма» лордовъ и ихъ защитниковъ. Частичная побѣда оппозиціи на выборахъ въ Англіи послужила лишь къ вѣщему выясненію единства демократическихъ интересовъ. Благодаря потерѣ абсолютнаго большинства правительство принуждено было вступить въ формальную коалицію съ рабочей и ирландской партіями и ударъ старому врагу былъ нанесенъ рукой объединенной британской демократіи. Путь былъ проложенъ и для необозримаго ряда социальныхъ реформъ и для автономіи Ирландіи. 11 апрѣля 1912 г. новый билль о гомрулѣ былъ внесенъ въ палату общинъ. Но въ основу этого билля уже безъ всякихъ оговорокъ положена идея реорганизаціи Соед. Королевства посредствомъ системы мѣстныхъ автономій, основанныхъ на делегаціи со стороны центрального парламента — посредствомъ «деволюціи» превратившейся во «всеобщій гомруль». Такимъ образомъ и правовой и политической смыслъ вопроса совершенно измѣнился. Отнынѣ дѣло идетъ о «федерализаціи» Соед. Королевства, объ автономіи, уже не выдѣляющей данную область въ принципиально-особое положеніе сравнительно съ другими частями государства, а, напротивъ, являющейся частью будущей общегосударственной системы.

Отказъ англичанъ отъ «гегемоніи» надъ ирландскимъ народомъ, объединеніе англійской и ирландской демократіи въ борьбу за

¹⁾ Между тѣмъ вышеуказанное заявленіе правительства было сдѣлано еще при началѣ первой избирательной кампаніи 1910 г. т.-е. когда оно, обладая абсолютнымъ большинствомъ, было еще независимо отъ ирландцевъ.

общіе интересы сдѣлали свое дѣло. Именно этимъ путемъ англійская «государственная идея» въ концѣ концовъ одержала ту побѣду въ ирландскомъ вопросѣ, которую не могли дать ей столѣтія безпощаднаго угнетенія. Вопросъ объ автономіи Ирландіи, какъ о полномъ или частичномъ, «юридическомъ» или «политическомъ» выдѣленіи ея изъ великобританскаго государства отошелъ въ область исторіи.

II.

Ирландскій гомруль и англійскій федерализмъ.

18 сентября 1914 г. «Актъ объ измѣненіи постановленій объ управленіи Ирландіей» (Act to amend the provision for the Government of Ireland) сталъ закономъ¹⁾. Вѣковая тяжба двухъ народовъ формально ликвидирована: вопросъ, стоявшій въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ центрѣ политической жизни Англии, формально разрѣшенъ. Правда, только формально: введеніе закона о гомрулѣ въ дѣйствіе отложено до окончанія войны; какой видъ автономія Ирландіи приметъ на самомъ дѣлѣ, зависитъ отъ того, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ объ Ульстерѣ, которымъ еще предстоитъ заняться парламенту. Все же принципиальное значеніе превращенія завѣтныхъ желаній многихъ поколѣній ирландскаго народа въ положительный законъ огромно. И если это событіе не вызвало новаго взрыва тѣхъ партійныхъ страстей, которыя еще незадолго передъ тѣмъ бурно кипѣли вокругъ ирландскаго вопроса, то это не только потому, что титаническая борьба, въ которой Англія напрягаетъ всѣ свои силы, отодвинула на задній планъ всѣ вообще вопросы внутренней жизни. Въ громаднѣйшей перспективѣ этой борьбы въ особенности ирландскій вопросъ свелся къ своимъ реальнымъ размѣрамъ. Уже давно вдумчивые наблюдатели находили, что непримиримое противоположеніе «государственнаго единства Англіи» и «Ирландіи — націи» въ настоящее время не что иное, какъ анахронизмъ. Патріотическій энтузіазмъ, охватившій все безъ различія населеніе Ирландіи на ряду съ населеніемъ Англіи доказалъ это наглядно (особенно, если вспомнить настроеніе Ирландіи во время прежнихъ войнъ).

¹⁾ Въ первый разъ внесенъ въ палату общинъ 11 апрѣля 1912 г.; принятъ въ третьемъ чтеніи 17 января 1913 г.; 31-го января отвергнутъ палатой лордовъ. Во второй разъ принятъ палатой общинъ въ третьемъ чтеніи 8-го іюля и отвергнутъ палатой лордовъ 17-го іюля того же года. Въ третій разъ принятъ палатой общинъ 25 мая 1914 г., въ палатѣ лордовъ въ теченіе сессіи не обсуждался и 18-го сентября, при закрытіи сессіи, получилъ королевскую санкцію въ порядкѣ акта о парламентѣ 1911 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ демократическая Англія отказалась отъ системы «гегемоніи» надъ ирландскимъ народомъ, вопросъ, съ какой бы стороны къ нему ни подойти, успѣлъ совершенно переродиться. Гомруль, въ настоящее время и какъ онъ изложенъ въ настоящемъ законѣ, есть не побѣда одной стороны, а ликвидація стараго спора, основанная на дѣйствительномъ совпаденіи интересовъ демократіи обоихъ народовъ.

I.

Измѣнилась прежде всего социальнo-экономическая обстановка. Тѣ интересы, ради защиты которыхъ была создана унія, отъ которыхъ исходило наиболѣе серьезное сопротивленіе гомрулю, нынѣ находятся на пути къ быстрому исчезновенію. То, чего боялись отъ автономной Ирландіи — аграрный переворотъ совершенно самой Англіей и — послѣдняя иронія судьбы — законченъ уніонистской партией. Система «совмѣстной собственности» (joint ownership) лэндлорда и арендатора, съ принудительнымъ опредѣленіемъ ренты, созданная Гладстономъ, оказалась лишь переходнымъ моментомъ въ исторіи аграрнаго вопроса въ Ирландіи, но она проложила путь къ окончательному его разрѣшенію, въ смыслѣ перехода земли въ собственность крестьянъ, къ чему всегда стремились ирландскіе націоналисты. «Свинцовое давленіе» аграрныхъ трибуналовъ сдѣлало свое дѣло, вызвавъ у лэндлордовъ непреодолимое желаніе развязаться съ землей. Уніонисты пришли имъ на помощь, организовавъ добровольный выкупъ земли съ государственной субсидіей (зак. 1885 и 1896 гг.). Вопросъ въ особенности обострился, когда наступилъ второй оцѣночный (15-лѣтній) періодъ по закону Гладстона и оказалось, что рента въ силу обѣихъ оцѣнокъ была понижена на 40% въ среднемъ. Тогда-то былъ изданъ законъ Уиндгэма 1903 г., въ самомъ дѣлѣ разрѣшившій невозможную задачу создать условія добровольнаго выкупа, чрезвычайно выгодныя для лэндлорда и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма заманчивыя для арендатора, очень простымъ способомъ... на счетъ интересовъ англійскаго плательщика налоговъ¹⁾. Какъ бы то ни было, дѣло

¹⁾ По этому закону, казна платила лэндлордамъ наличными и получала съ покушниковъ въ теченіе 68½ лѣтъ ежегодно 3¼% продажной цѣны (2¾ въ качествѣ проц. и ½% на погашеніе). Если продавалось цѣлое имѣніе и цѣна даннаго участка опредѣлялась такимъ образомъ, что ежегодныя платежи были на 10—30% менѣ «судебной ренты», опредѣленной послѣ 1896 г. (т.-е. по второй оцѣнкѣ) или на 20—40% менѣ ренты, опредѣленной ранѣе, то ликвидаціонныя учрежденія обязаны были приобрести данный участокъ. Такимъ образомъ лэндлорды поощрялись къ ликвидаціи въ большихъ размѣрахъ; съ другой стороны, минимальная граница цѣны имѣла, какъ замѣчаетъ Дюбуа, единственной цѣлью побуждать арендаторовъ со-

было сдѣлано: въ настоящее время $\frac{2}{3}$ сельскохозяйственной земли въ Ирландіи находятся уже въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ (при чемъ въ остальную треть входятъ земли казенная и разныхъ учреждений); теперь разрабатывается проектъ о ликвидаціи послѣднихъ остатковъ помѣщичьяго землевладѣнія уже въ порядкѣ принудительнаго отчужденія. «Я ничего не говорю противъ ирландскаго дворянства», замѣтилъ при обсужденіи нынѣшняго билля о гомрулѣ ирландскій секретарь Биррель, — «миръ его памяти»¹⁾. Въмѣстѣ съ нимъ рухнула и старая система мѣстнаго управленія. Уже въ 1898 г. правительство Сольсбери вынуждено было ввести мѣстное самоуправленіе на демократическихъ началахъ, заимствованныхъ изъ Англіи. Ирландія была «де-англицизирована»²⁾. Послѣдствія сразу сказались. За десятилѣтіе 1901—1911 г. впервые съ 1845 г. отмѣчается увеличеніе населенія: наблюдается изумительный ростъ торговли и промышленности³⁾. О вліяніи экономическаго переворота на народную нравственность даютъ понятіе слѣдующія почти невѣроятныя цифры. Въ 1878 г. въ Ирландіи было 137 тюремъ и арестныхъ домовъ; въ 1910 г. ихъ осталось... 23⁴⁾. «Бойкотъ» сталъ сравнительно рѣдкимъ явленіемъ; преступныя формы «аграрнаго террора», а тѣмъ болѣе мятежныя выступленія совершенно прекратились. Никогда англійская власть въ Ирландіи не стояла такъ прочно. Все это сдѣлала унія, говорятъ противники гомруля; зачѣмъ же ее отмѣнять? Но дѣло въ томъ, что вмѣсто заключенной

глашаться на высокія цѣны. Кромѣ того, лэндлорды получали за счетъ казны премію (bonus) въ размѣрѣ 12% продажной цѣны. Убытокъ по эмиссіи соответствующаго займа возлагался на особый фондъ (Irish development grant) въ размѣрѣ 160.000 ф., а затѣмъ долженъ былъ итти на счетъ государственныхъ дотаций органамъ мѣстнаго самоуправления. Къ тому моменту, когда либеральное правительство получило операцію въ наслѣдство, фондъ успѣлъ испариться и бремя на плательщиковъ муниципальныхъ налоговъ должно было равняться около 250.000 ф. въ годъ (убытокъ по эмиссіи составлялъ болѣе 12%). Стоимость всей операціи предполагалась въ 100.000.000 ф.; на дѣлѣ выяснилось, что она должна равняться болѣе 150.000.000 ф. Въ 1909 г. либеральное правительство принуждено было принять убытки по эмиссіи на обще-государственный счетъ; на будущее время годовые платежи были увеличены (до 3 $\frac{1}{2}$ %), было восстановлено право ликвидаціонныхъ учреждений отказывать въ согласіи на покупку участка, уплата лэндлордамъ наличными была замѣнена уплатой процентными бумагами и, наконецъ, премія была опредѣлена въ 3—12% обратно пропорціонально продажной цѣнѣ, такъ что она является въ настоящее время побужденіемъ не къ взысканію, а, напротивъ, къ уменьшенію цѣны. Pim, Present position of the Irish land question, The new Irish Constitution, ed. by J. H. Morgan, 1912, p. 190 ss. Paul-Dubois, L'Irlande contemporaine et la question Irlandaise, 1907, p. 270 ss.

¹⁾ Рѣчь при первомъ чтеніи билля о гомрулѣ, 16 апр. 1912, цит. по сборн. Home Rule from the Treasury Bench, p. 92.

²⁾ Paul — Dubois, p. 126.

³⁾ Spender, Home Rule, 1912, p. 19 ss.

⁴⁾ Malony, The maintenance of law and order, The new Ir. Const., p. 161.

въ 1800 г. уніи аристократической «Англіи» съ лэндлордской «Ирландіей» получилась другая «унія» двухъ демократій, уничтожившая сначала эту «Ирландію», а затѣмъ и эту «Англію»; но потому-то нынѣ «гомруль» и не является отмѣной этой «уніи».

Чисто-демократическій ирландскій «націонализмъ» всегда имѣлъ весьма мало общаго съ исходящимъ отъ высшихъ классовъ политическимъ націонализмомъ большинства континентальныхъ народовъ. Чѣмъ болѣе разрушалась мѣрами самой Англіи «протестантская гегемонія», тѣмъ болѣе исчезало и то поверхностное сходство, которое можно было видѣть ранѣе. Въ виду совпаденія въ Ирландіи національнаго и религіознаго признаковъ одно время (при О'Коннеллѣ) грозила опасность сочетанія націонализма съ клерикализмомъ (оно наблюдается, напримѣръ, въ Польшѣ). Но со времени установленія въ 1869 г. абсолютнаго религіознаго равенства начинаются сильныя и успѣшныя старанія освободить національное движеніе отъ всякаго вѣроисповѣднаго, а тѣмъ болѣе клерикальнаго элемента. Со времени же аграрной реформы исчезаетъ изъ политическаго движенія и элементъ собственно-націоналистическій, элементъ борьбы Irishry противъ Englishry, «кельтовъ» противъ «саксовъ». Исчезла реальная противоположность лэндлорда-протестанта-англичанина и крестьянина-католика-ирландца; ея мѣсто на почвѣ развитія фермерскаго хозяйства и промышленнаго роста заняли иныя классовыя противоположности, лишеныя національной окраски. Въ самой національной партіи началось значительное почкованіе; возникъ радикально-соціалистическій «древній орденъ иверійцевъ», входящій, въ качествѣ особой ячейки, въ официальную организацію національной партіи, но ставящій себѣ и самостоятельную цѣль — объединеніе всей ирландской демократіи безъ различія расъ и исповѣданія противъ новой буржуазіи и для этого распространяющій свою дѣятельность и на Ульстеръ; вождю его Девлину удалось уловить въ сѣти «гомруля» одинъ изъ округовъ главнаго города Ульстера, Вельфаста и пройти въ парламентъ въ качествѣ представителя тамошнихъ рабочихъ, въ громадномъ большинствѣ протестантовъ. Дальнѣйшимъ шагомъ было развитіе среди городского пролетаріата самостоятельнаго профессиональнаго движенія, и въ, новѣйшее время, синдикализма, знаменитый вождь котораго, «царь Дублина» Лэркинъ, также является сторонникомъ гомруля (и потому впредъ до достиженія его не желаетъ отнимать у націоналистовъ представительство столицы Ирландіи и не вмѣшивается въ выборы), но ужъ, конечно не по «національнымъ» мотивамъ. «Мистеръ Лэркинъ», говоритъ знатокъ Ирландіи Гонъ, «не желаетъ убивать гомруля; но, если бы

гомруль погибъ по другой причинѣ, онъ убьетъ націонализмъ¹⁾. Съ другой стороны, возникшее въ началѣ XX вѣка національно-культурное «гэльское движеніе», стремящееся къ возрожденію «души Ирландіи» съ помощью восстановленія стараго ирландскаго языка, не только не встрѣтившее со стороны правительства противодействія, но даже нашедшее у него извѣстную поддержку, выразившуюся въ нѣкоторыхъ мѣрахъ въ области народнаго просвѣщенія, сыграло въ политическомъ отношеніи роль совершенно обратную той, которую подобныя тенденціи обычно играютъ на континентѣ. Проповѣдая, что возрожденіе ирландской національности не можетъ быть достигнуто ни путемъ политической автономіи, ни путемъ вражды къ Англіи, а только путемъ мирной культурной работы, оно отвлекло собственно-національныя стремленія отъ политики. Заявляя, что національность не зависитъ ни отъ исповѣданія, ни отъ расы, ни тѣмъ менѣе отъ политическихъ убѣжденій, и стремясь объединить путемъ мирной проповѣди всѣхъ «ирландцевъ» и даже объединить «Сѣверъ» и «Югъ», оно значительно способствовало смягченію національной (въ старомъ смыслѣ) противоположности внутри населенія Ирландіи²⁾.

При такихъ условіяхъ политическій «націонализмъ» превратился въ чистый территоріальный автономизмъ. Съ освобожденіемъ Ирландіи отъ послѣдняго остатка «гегемоніи» — отъ безответственной дублинской бюрократіи — и передачей законодательства и управленія по мѣстнымъ дѣламъ въ руки выборныхъ представителей Ирландіи, задача его будетъ окончена. «Когда король откроетъ ирландскій парламентъ въ Дублинѣ», заявляетъ Редмондъ, «члены ирландской партіи разойдутся, чтобы никогда болѣе не соединяться. Будутъ различныя интересы и различныя требованія. Не будетъ ни протестантской, ни католической партіи»³⁾. Англійская рабочая партія прямо заявляетъ, что ея главная цѣль при дарованіи Ирландіи автономіи заключается именно въ прекращеніи политическаго дѣленія ирландскаго населенія по вопросу о гомрулѣ, — дѣленія, фактически все еще совпадающаго съ на-

¹⁾ Hone, J. Larkin and the nationalist party, Contemporary Review, Dec., 1913, p. 788.

²⁾ С. И. Раппопортъ, По Ирландіи, «Вѣст. Евр.» сент. 1907 г. Впрочемъ, въ свое время «гэлизмъ» усиленно поддерживался и сепаратистами (группой Sinn Feinn) и въ кое-какихъ кругахъ такое сочетаніе повидимому сохранилось до сихъ поръ. Вообще, сепаратизмъ нельзя еще считать окончательно исчезнувшимъ, хотя за послѣдніе годы число его приверженцевъ сократилось до совершенно ничтожныхъ размѣровъ. Недавнія попытки германскихъ агентовъ воспользоваться этими элементами снова напомнили объ ихъ существованіи и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ показали ихъ совершенное безсиліе.

³⁾ Рѣчь при перв. чтеніи билля о гомрулѣ (пал. общ., 15 апр. 1912 г.) Parl. Deb. (1912) vol. 37, p. 149.

ціонально-религіознымъ признакомъ, — въ развитіи въ Ирландіи обычной политической борьбы классовъ и сближеніи тѣмъ самымъ ирландскаго народа съ англійскимъ. «Въ то время, какъ представители британскихъ округовъ», говоритъ лидеръ рабочей партіи Мэкдональдъ, «подвергаются значительнымъ перемѣнамъ въ ихъ политическихъ судьбахъ, почтенные члены, сидящіе напротивъ меня (т.-е. націоналисты), имѣютъ очень вѣрные мѣста, — 80% изъ нихъ присутствуютъ здѣсь, не истративъ ломаного гроша на спорные выборы. Я думаю, что это очень нехорошо для Ирландіи, очень нехорошо для моихъ почтенныхъ друзей, сидящихъ напротивъ. Очень нехорошо для какой-либо части страны, если она такъ занята своимъ обособленнымъ существованіемъ, что не чувствуетъ тѣхъ огромныхъ волнъ политическихъ и соціальныхъ идей, которыя перекатываются по другимъ частямъ той страны, съ которой она связана. Я думаю, что Ирландія только выиграетъ отъ образования въ ней партій, представляющихъ не одни только національныя требованія, — какъ бы они ни были важны, пока не были удовлетворены, — но экономическія различія и политическіе идеалы. Я желаю также, чтобы ирландскій рабочий въ Англии, зная, что національное существованіе его родины обезпечено, пользовался своимъ политическимъ вліяніемъ для улучшенія своего соціального положенія, какъ человекъ, подверженный всѣмъ злословіямъ великобританскаго рабочаго»¹⁾. Именно послѣ введенія гомруля исчезнетъ и обособленное положеніе представителей Ирландіи въ парламентъ Соед. Королевства. «Для ирландскихъ членовъ, которые здѣсь останутся», говоритъ сэръ Э. Грей, «исчезнетъ побужденіе объединяться для единой великой цѣли гомруля. У васъ будутъ здѣсь ирландскіе члены, съ естественной здоровой линіей раздѣленія и съ нормальной перспективой по отношенію къ дѣламъ, обсуждаемымъ въ этой палатѣ. Это — огромная выгода съ точки зрѣнія прочности партійныхъ отношеній въ палатѣ общинъ»²⁾. Но поэтому и автономія Ирландіи, требуемая націоналистами и предлагаемая правительствомъ, менѣе всего — «національно-территориальная автономія» въ томъ смыслѣ, какъ это обычно понимается на континентѣ. «Интегральная ирландская національность», для которой требуется автономія, не имѣетъ ничего общаго ни съ «расой», ни съ религіей: это просто-напросто все населеніе Ирландіи, живущее въ тѣхъ же общихъ, географическихъ, экономическихъ и т. д. усло-

¹⁾ Рѣчь при внесеніи билля о гомрулѣ (пал. общ., 11 апр. 1912 г.). Ibid., vol. 36, p. 1457.

²⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 2 мая 1912 г.). Цит. по сборн. Home Rule from the Treasury Bench, p. 177.

віяхъ, накладывающихъ на всѣхъ жителей острова общій, независимый отъ ихъ воли отпечатокъ, безъ всякаго различія населенія, какъ сказали бы на континентѣ, «коренного» — католическаго и «пришлаго» — протестантскаго¹⁾. «Точка зрѣнія ирландской партіи съ самаго начала была та», говоритъ Девлинъ, «что она желаетъ гомруля для всей Ирландіи и всѣхъ ирландцевъ, а не для части Ирландіи или ирландцевъ»²⁾. «Мы не хотимъ никакой гегемоніи, намъ противно самое это слово». Въ преніяхъ объ адресѣ при началѣ сессіи 1914 г. Редмондъ еще разъ съ большой силой указалъ на принципиальное отношеніе ирландской партіи къ вопросу о положеніи меньшинства, на которое онъ не переставалъ указывать во время преній о гомрулѣ: «Я говорю палатѣ общинъ и я говорю отъ чистаго сердца, что я скорѣе отрѣзалъ бы себѣ языкъ, чѣмъ сказалъ бы одно слово въ защиту ирландскаго гомруля, если бы допускалъ, что отъ него можетъ произойти малѣйшій вредъ для жизни, личности, имущества или религіозныхъ убѣжденій какой-либо части моихъ соотечественниковъ. Я готовъ, мало того, я глубоко озабоченъ устранить малѣйшее существующее добросовѣстное опасеніе, какъ бы неосновательно это опасеніе ни было»³⁾. Ничего повидимому не зная о «національныхъ домахъ», въ дѣла которыхъ «посторонніе» не должны «вмѣшиваться», ирландскіе націоналисты принимали внесенныя въ билль «гарантіи» («safeguards»), связывающія «коренное» населеніе по рукамъ и ногамъ при малѣйшей попыткѣ осуществлять свои особенные интересы насчетъ «пришлаго» и выступать въ качествѣ «территориальной народности». Даже болѣе, они убѣдительно просили уніонистовъ указать, что еще можно сдѣлать, и заявляли, что они согласны на все, потому что никогда этихъ гарантій не придется примѣнять.

Послѣдняя борьба съ общимъ врагомъ — палатой лордовъ, рука объ руку съ англійской демократіей радикально покончила и съ англофобіей; чисто — государственная связь съ Англійей, которая останется послѣ упраздненія «Дублинскаго замка», уже не вызываетъ со стороны подавляющаго большинства націоналистовъ никакихъ возраженій. «Мы хотимъ мира съ Англійей», говоритъ Редмондъ. «Мы отрицаемъ, что мы сепаратисты; мы заявляемъ, что мы готовы принять подчиненный парламентъ, учрежденный закономъ этого имперскаго парламента, какъ окончательное удовлетвореніе тре-

¹⁾ Hobhouse, Irish nationalism and liberal principle, The new Ir. Const., p. 367.

²⁾ Рѣчь на митингѣ въ Мотѣ, «Times» 20 февраля 1914 г.

³⁾ Рѣчь объ адресѣ 11 февраля 1914 г.

бованій Ирландіи... Съ 1886 г. два народа гораздо лучше узнали другъ друга. Въ Ирландіи царствуетъ такой полный миръ, какъ никогда. Она почти совершенно отбросила свои подозрѣнія, мстительныя чувства противъ Англіи; Англія, съ своей стороны, болѣе готова, чѣмъ когда-либо въ прошломъ, принять Ирландію на началахъ равенства, свободы и лояльности въ великое братство народовъ, составляющее Британскую Имперію¹⁾.

Если Англія «болѣе готова, чѣмъ когда либо», то это не только потому, что устранены послѣднія основанія серьезныхъ опасеній для ея интересовъ отъ гомруля, но и вслѣдствіе ряда причинъ, дѣлающихъ дарованіе этого гомруля едва ли не болѣе настоящимъ съ точки зрѣнія ея интересовъ и интересовъ общегосударственныхъ, чѣмъ съ точки зрѣнія интересовъ Ирландіи. Прежде всего политика эксплуатаціи Ирландіи и ирландцевъ въ интересахъ «державной народности» и державнаго центра» привела къ поистинѣ изумительнымъ результатамъ въ чисто-финансовомъ отношеніи. Въ 1895 г. назначенная правительствомъ Розберри комиссія констатировала несомнѣнную финансовую невыгодность уніи для Ирландіи, несмотря на единство финансовой системы. За 1800—1895 гг. въ Англіи, населеніе которой утроилось, обложеніе на голову населенія упало на 25⁰/₀, въ Ирландіи, населеніе которой уменьшилось на 14⁰/₀, обложеніе на голову увеличилось на 140⁰/₀. Посредствомъ весьма сложныхъ вычисленій комиссія опредѣлила національный доходъ Ирландіи въ $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{22}$ національнаго дохода всего государства; между тѣмъ участіе Ирландіи въ государственныхъ доходахъ выражалось въ $\frac{1}{11}$ ²⁾. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія доходнаго бюджета получалась явная «эксплуатація» «Ирландіи» со стороны «Англіи»; но если принять во вниманіе государственные расходы, то эта эксплуатація принимала весьма странный характеръ: За вычетомъ расходовъ на внутреннія ирландскія нужды оказывалось, что Ирландія участвовала въ общихъ расходахъ всего въ размѣрѣ $\frac{1}{32}$, т.-е. меньше, чѣмъ слѣдовало бы,

¹⁾ Рѣчь при внесеніи биллія (пал. общ., 11 апрѣля 1912 г.), Parl. Deb., vol. 36, p. 1453. Весною 1914 года, въ самый разгаръ борьбы изъ-за ульстерскаго вопроса, появилась драма «An Irishman's home», сочиненная совмѣстно племянникомъ Редмонда и сыномъ сэра Карсона. Въ пьесѣ и предисловіи къ ней авторы противопоставляютъ ирландскихъ «котловъ», все еще не забывшихъ религиозно-расоваго антагонизма, все еще разсматривающихъ вопросъ объ автономіи подъ угломъ зрѣнія «протестантской гегемоніи» и «отмѣны любви къ Ирландіи, какъ чѣлому; они стоятъ за автономію, но ихъ автономизмъ сочетается съ обще-имперскимъ патриотизмомъ.

²⁾ Какъ указалъ уже Нассау Сениоръ, «Ирландія не потому бѣдна, что переобложена, а потому переобложена, что бѣдна». Благодаря низкому экономическому уровню страны 70% государственныхъ доходовъ съ Ирландіи даютъ косвенные налоги.

и эта пропорція выказывала явную тенденцію къ уменьшенію. Въ то время на эту сторону вопроса обратили вниманіе только уніонисты, возражая противъ утвержденія объ «эксплуатаціи» Ирландіи. Націоналисты отвѣчали, что Ирландіи нѣтъ дѣла до военныхъ и колоніальныхъ расходовъ Англіи. Такимъ образомъ вопросъ сталъ на почву бесплодной демагогін... А между тѣмъ здѣсь-то и крылась, какъ оказалось въ настоящее время, наиболѣе интересная сторона финансоваго положенія Ирландіи. Гипертрофія расходовъ на ирландскую администрацію объяснялась отчасти слишкомъ широкой и расточительной ея постановкой, сообразно англійскимъ потребностямъ, отчасти же особыми мѣрами для поддержанія англійскаго «господства»¹⁾. Система подачекъ, «умерщвления гомруля благодѣяніями», усвоенная консервативнымъ правительствомъ 1895—1905 гг., «bonus» въ 12 мил. ф., уплаченныхъ ирландскимъ лэндлордамъ, наконецъ распространеніе на Ирландію новѣйшаго соціального законодательства привели къ окончательному абсурду. Въ 1911 г. комиссія министерства финансовъ пришла къ слѣдующимъ выводамъ: съ 1895 г. государственные доходы съ Ирландіи увеличились съ 8.034.000 ф. до 10.300.000 ф.; расходы же на нее—съ 5.938.000 ф. до 11.344.000 ф. Въмѣсто 2.066.000 ф., которыми Ирландія въ 1895 г. участвовала въ общегосударственныхъ расходахъ, получился чистый дефицитъ въ 1.044.000 ф. Что выйдетъ, спрашиваетъ правительство, изъ этого бросанія англійскихъ денегъ въ прорву ирландской администраціи, которая Англіи не нужна, а Ирландіи ненавистна? Для англійскаго плательщика небольшое утѣшеніе, что онъ можетъ «за свои деньги покуражиться» (to have a rip for your money), что «политика подачекъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ политика толчковъ, т.-е. если вамъ предлагаютъ давать все большія подачки ирландскому народу, то вы зато имѣете право и преимущество управлять имъ противъ его воли»²⁾, что «въ Ирландіи поддерживается тлетворный духъ гегемоніи, а она принимаетъ подачки, но не удовлетворяется ими, а все кричитъ о гомрулѣ»³⁾. Не лучше ли предоставить мѣстнымъ людямъ самимъ опредѣлять расходы на мѣстныя нужды сообразно со своими ресурсами, не лучше ли для англичанъ «оставить Ирландію въ покоѣ, а свои деньги у себя въ карманѣ?»

¹⁾ Такъ, въ Ирландіи вмѣсто англійской муниципальной полиціи существуетъ королевская жандармерія (см. выше стр. 14). Въ Ирландіи 1 жандармъ приходится на 365 жителей, въ Англіи 1 полицейскій на 729; ирландская жандармерія стоитъ 6 шиллинговъ 8 пенсовъ на голову населенія, англійская полиція — 3 шиллинга 4 пенса. Malony, l. c., p. 160.

²⁾ Генераль-почтмейстеръ Самуэль, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 7 мая 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 231.

³⁾ Lord Welby, Financial relations, The new Ir. Const., p. 155.

Но если английскіе интересы нынѣ требуютъ ирландскаго гомруля, то интересы общегосударственные не менѣе настойчиво требуютъ общей законодательной децентрализаціи, — «деволюціи», безъ которой, какъ замѣчаетъ сэръ Э. Грей, должно наступить прямое «разрушеніе¹⁾» (without devolution we shall have destruction). Перегруженіе парламента дѣлами, столь обострившееся уже въ 70 годахъ, съ тѣхъ поръ возросло въ чудовищной прогрессіи; грандіозные законодательные труды нынѣшняго правительства сыграли тутъ только роль послѣдней капли. Съ этимъ явленіемъ боролись различными способами: расширеніемъ дѣятельности комиссій насчетъ общаго собранія палаты общинъ; все болѣе широкими делегаціями законодательныхъ правъ административнымъ вѣдомствамъ, — тенденція, опасность которой ясна сама собой. Но въ концѣ концовъ, несмотря на безобразную продолжительность сессій, на «переутомленіе» членовъ парламента, единственнымъ средствомъ поддержанія хода государственной машины оказались мѣры, непосредственно угрожающія правамъ и положенію парламента и донельзя увеличивающія «тиранію» кабинета: ограниченіе законодательной инициативы частныхъ членовъ, превратившейся нынѣ почти въ фикцію; переходъ составленія повѣстки палаты отъ нея самой къ министерству; наконецъ, героическія средства, когда-то впервые примѣненные въ борьбѣ съ обструкціей ирландцевъ, а нынѣ превратившіяся въ нормальную обстановку, безъ которой не можетъ пройти ни одинъ сколько-нибудь спорный билль: «намордникъ», «тильотина», «кентуру»²⁾. Каковы бы ни были болѣе глубокія причины развитія власти кабинета за счетъ парламента, но самая борьба съ этимъ явленіемъ невозможна, пока не прекратятся тѣ приемы, которые обращаютъ парламентъ въ «голосующую машину» для правительственныхъ биллей, превращаютъ контроль надъ финансами и управленіемъ въ фикцію, но являются практической необходимостью, пока существуетъ и прогрессируетъ «перегруженіе» парламента. А между тѣмъ выходъ имѣется. «Взгляните», говоритъ Асквиль, «на списокъ вопросовъ, заданныхъ министрамъ въ понедѣльникъ или вторникъ въ любую недѣлю. Что тамъ есть или, вѣрнѣе, чего тамъ нѣтъ? Опозданіе въ доставкѣ почты въ какой-нибудь деревушкѣ въ Конемара (въ Ирландіи), споръ о правѣ рыболовства въ Морэй Фиртѣ (въ Шотландіи), приговоръ сельскихъ мировыхъ судей по дѣлу о браконьерствѣ гдѣ-нибудь въ Уэльсѣ,

¹⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 2 мая 1912 г.). Н. Р. Т. В., р. 175.

²⁾ Harmsworth, The state of parliamentary business, The new Ir. Const., р. 373 ss. Ср. М. Я. Острогорскій, Конституціонная эволюція Англіи, «Вѣстн. Евр.» ноябрь 1913 г.

ссылка въ Восточной Африкѣ, положеніе магометанской общины въ новомъ Бенгалскомъ президентствѣ, качества новаго ружья въ арміи или въ территоріальныхъ войскахъ, морская годность новаго типа дредноута и еще, пожалуй, отношенія между Великобританіей и Германіей... Я спрашиваю: брало ли на себя какое-либо собраніе въ исторіи вселенной столь бессмысленно-невозможную задачу?»¹⁾ Еще яснѣе вопросъ становится, если обратиться къ законодательству. Не только Ирландія, но и Шотландія (а также, хотя и въ гораздо меньшей степени, Уэльсъ и части Англии) сохранила особенности въ мѣстномъ правѣ и управленіи, хотя и вовсе не имѣющія одіознаго характера; объективное различіе условій, внѣ всякихъ заднихъ мыслей съ чьей бы то ни было стороны, способствовало сохраненію этихъ различій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и при самыхъ широкихъ реформахъ. Изъ любопытной статистики, составленной де-Уоркеромъ, оказывается, что изъ 1.089 парламентскихъ актовъ (при томъ не считая вовсе частныхъ биллей), изданныхъ въ 1891—1910 гг., почти половина (542) касается лишь отдѣльныхъ составныхъ частей Соед Королевства, причемъ въ число остальныхъ 547 входятъ не только акты, относящіеся ко всему королевству, но и выходящіе за его предѣлы, какъ-то относительно Индіи, колоній, имперской обороны и т. п. Распределеніе актовъ по содержанію ихъ между этими двумя категоріями неслучайно; можно прямо констатировать созданное самой жизнью дѣленіе на вопросы мѣстные и общіе. Между тѣмъ какъ всѣ законодательные акты по рабочему вопросу распространялись на все королевство, наоборотъ, исключительно къ отдѣльнымъ областямъ относились всѣ законы о призрѣніи бѣдныхъ и народномъ просвѣщеніи и подавляющее большинство законовъ о мѣстномъ самоуправленіи, земледѣліи и землеустройствѣ и даже гражданскомъ и уголовномъ правѣ, судоустройствѣ и судопроизводствѣ²⁾. Такое положеніе при единствѣ законодательнаго органа приводитъ, и независимо отъ перегруженія парламента, къ послѣдствіямъ, не соответствующимъ самому духу представительнаго строя, особенно же съ точки зрѣнія нынѣ господствующей въ Англии доктрины о непосредственномъ рѣшеніи программныхъ вопросовъ избирателями. Избиратель не знаетъ, голосовать ли ему за ту партію, программа которой нравится ему въ общегосударственныхъ вопросахъ, или за ту, которую онъ предпочитаетъ въ вопросахъ мѣстныхъ,

¹⁾ Рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 19.

²⁾ Н. de R. Walker, The tendency towards legislative disintegration, The new Ir. Const., p. 393 ss.

и это дѣласть совершенно безплодными вѣчныя пререканія относительно сущности полученнаго палатой отъ страны «мандата». Вопросы, касающіеся исключительно одного края, рѣшаются представителями другихъ, избиратели которыхъ ими абсолютно не интересовались, голосующими по указкѣ партіи, которая отъ ихъ избирателей несомнѣнно никакого мандата по этимъ предметамъ не получила. Напротивъ, рѣшеніе тѣхъ, кто этими вопросами дѣйствительно интересуется, т.-е. избирателей даннаго края, не имѣетъ никакого значенія, когда у власти находится не та партія, представителямъ которой они отдали свои голоса. Въ такомъ положеніи находится Шотландія, въ которой либералы почти безусловно господствуютъ, всякій разъ, когда у власти находятся консерваторы. Что же касается такого края, какъ Ирландія, — представленнаго своей особой партіей, никогда не находящейся у власти и вовсе не имѣющей программы по общегосударственнымъ вопросамъ, то о такой области слѣдуетъ сказать, что она вовсе не имѣетъ представительства, а только право злонамѣреннаго вмѣшательства въ чужія дѣла¹⁾.

Изъ этихъ-то мотивовъ исходило сильно разившееся въ послѣднее время движеніе въ Шотландіи и Уэльсѣ въ пользу не «деволюціи», какъ она понималась въ XIX вѣкѣ, т.-е. делегации мѣстнымъ представительнымъ органамъ нѣкоторыхъ маловажныхъ законодательныхъ дѣлъ, а «гомруля», т.-е. учрежденія мѣстныхъ парламентовъ, какъ нормальныхъ органовъ законодательства и управленія по мѣстнымъ дѣламъ, — движеніе, конечно, лишенное всякаго сепаратистскаго или анти-англійскаго характера²⁾. При такихъ условіяхъ, и при новѣйшей эволюціи ирландскаго націонализма, оставалось только окончательно слить двѣ когда-то враждебныя тенденціи³⁾. Это и сдѣлало нынѣшнее правительство. Въ его рукахъ «деволюція» превратилась въ Home Rule all round (всеобщій гомруль) и, съ другой стороны, ирландскій гомруль былъ прямо объявленъ первымъ шагомъ на этомъ пути, чему ирландскіе націоналисты опять-таки изъявили полное свое сочувствіе⁴⁾. Слабые голоса среди ирландцевъ, настаивавшіе на необходимости «центробѣжнаго» характера ирландской автономіи и, въ частности, отмѣны таможеннаго единства⁵⁾, не встрѣтили уже никакого отклика. «Не пора ли»,

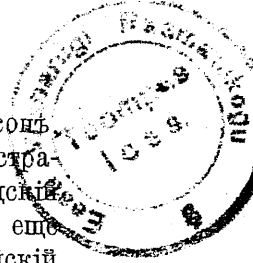
¹⁾ Ibid., p. 403 ss.

²⁾ Spender, p. 55 ss.

³⁾ См. выше, стр. 23.

⁴⁾ Редмондъ, рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апр. 1912 г.). Parl. Deb., vol. 36, p. 1456.

⁵⁾ См. Childers, Framework of Home Rule, 1911. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ маленькая группа «независимыхъ націоналистовъ» во главѣ съ В. О'Брайеномъ.

говорить по этому поводу шотландскій депутатъ Кэткартъ Уэсонъ «прекратить эту праздную болтовню о томъ, какъ Ирландія страдала или не страдала въ прошломъ?.. Если страдалъ ирландскій крестьянинъ... то развѣ шотландскій горецъ не страдалъ еще больше и также отъ дурныхъ аграрныхъ законовъ? А англійскій крестьянинъ?.. Всѣ части Соединеннаго Королевства страдали когда-то отъ жадности и грабительства, отъ тирани и угнетенія; какіе пустяки, составлять теперь фантастическіе счета между ними! Дѣло идетъ не о какомъ-то особомъ положеніи Ирландіи, а о перегруженномъ законодательномъ собраніи, о необходимости отдѣлить дѣла государственныя (national) отъ мѣстныхъ, о предоставленіи ирландскому парламенту правъ мѣстнаго самоуправленія съ законодательными и административными функціями»¹⁾. Такимъ образомъ вмѣсто противопоставленія Ирландіи Великобританіи мы имѣемъ планъ общегосударственнаго устройства на «федеральныхъ» основаніяхъ. Тѣмъ самымъ окончательно опредѣлился и характеръ автономіи Ирландіи, ибо, какъ отмѣчаетъ графъ Денрэвенъ, «федерализація» Соединеннаго Королевства мыслима только на началахъ «деволюціи», при сохраненіи центральнымъ делегирующимъ органомъ всей принципиальной полноты власти»²⁾. Отсюда не слѣдуетъ, что автономія должна быть дана всѣмъ частямъ Соединеннаго Королевства по одному безусловно-тождественному образцу³⁾. Затрудненіе здѣсь возникаетъ не относительно Шотландіи или Уэльса, а относительно самой Англій, общіе интересы которой при безконечно-большемъ разнообразіи и сложности условій не суть конечно мѣстные интересы въ томъ же смыслѣ, какъ это понимается относительно какого-нибудь Уэльса. На этомъ основаніи Черчилль въ своей извѣстной рѣчи въ Денди (въ сентябрѣ 1912 г.) и предложилъ свой планъ, который уніонисты окрестили «возстановленіемъ гептархій»: раздѣленія Англій на «союзы графствъ», въ частности, съ особымъ парламентомъ для Лондона и окрестностей.

Представители оппозиціи возражали, что федерализація Соед. Королевства идетъ въ разрѣзъ съ «міровой эволюціей (world-wide movement), какъ выразился Бальфуръ⁴⁾, идущей всегда и повсюду отъ раздробленности къ большому и большому единству. Федерализмъ, подтверждаетъ и профессоръ Дайси, всегда только путь къ объединенію независимыхъ до того территорій⁵⁾. На это

¹⁾ Cathcart Wason, Home Rule all round, 1912, p. 13.

²⁾ Earl of Dunraven, The new Ir. Const., p. 339.

³⁾ Самуэль, рѣчь при перв. чтеніи билля (пал. общ. 15 апр. 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 60.

⁴⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 2 мая 1912 г.). Parl. Deb., vol. 38, p. 2083. Его же, Aspects of Home Rule, 1912, p. 4 ss.

⁵⁾ Dicey, A fool's paradise, 1913, p. 19.

правительство возражало, что вопрос не въ томъ, съ какого конца начинать, а въ окончательномъ результатѣ и въ общемъ принципѣ. Асквиту соглашается съ Бальфуромъ, что «известный до сихъ поръ нормальный типъ федераціи, это тотъ, который образуется посредствомъ объединенія раздѣльныхъ до того территорій для общихъ цѣлей и подъ условіемъ отказа каждаго члена отъ нѣкоторыхъ и удержанія имъ другихъ изъ имѣвшихся у него до того правъ... Здѣсь мы преслѣдуемъ ту же цѣль, но историческія и фактическія условія поставлены обратно. Мы исходимъ... изъ перегруженнаго центра. Мы исходимъ изъ единства, существующаго и формально, и по существу (голоса оппозиціи: «слушайте, слушайте»). Да, но это единство имѣетъ слѣдующую особенность: въ то время, какъ для общихъ цѣлей всѣ члены совѣщаются и дѣйствуютъ вмѣстѣ, никто изъ нихъ не можетъ распоряжаться предметами, которые специально касаются и необходимы для него, безъ общаго согласія всѣхъ. Я утверждаю, что единство такого рода столь же мало соответствуетъ цѣли демократическаго государства, комбинаціи центральнаго единства съ мѣстной автономіей, какъ не соответствовало бы существованіе этихъ членовъ другъ подле друга, въ качествѣ отдѣльныхъ государствъ, вовсе не вступавшихъ въ союзъ... Мы хотимъ делегировать мѣстныя дѣла отдѣльнымъ составнымъ частямъ. Какъ бы хорошо мы ни вели здѣсь — къ сожалѣнію, сейчасъ мы и этого не можемъ — наши общія и имперскія дѣла, мы во всякомъ случаѣ будемъ постоянно путать и портить дѣла каждой единицы... Мнѣ совсѣмъ не важно, что, когда вы снимете съ полки словарь государственно-правовыхъ терминовъ, обратитесь къ большому «Ф» и найдете слово: «Федерація» (Federation), опредѣленное такъ-то, а потомъ обратитесь къ большому «У» и найдете слово «Унитарное государство» (Union), опредѣленное такъ-то, то ни первое, ни второе опредѣленіе не подойдетъ къ нашему случаю. Это возраженіе педанта, а не государственнаго человѣка... Оставимъ фразы и формулы и обратимся къ существу дѣла! Мы желаемъ реальнаго законодательнаго и исполнительнаго единства; желаемъ имѣть время и возможность пользоваться имъ для общихъ и центральныхъ цѣлей въ интересахъ всѣхъ, а съ другой стороны, мы желаемъ мѣстной свободы, эластичности, гибкости и приспособляемости, которая дастъ возможность каждой единицѣ творить свою домашнюю судьбу по своимъ собственнымъ идеаламъ. Вотъ что мы понимаемъ подъ гомрулемъ и подъ федераціей!»¹⁾

¹⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 9 мая 1912 г.) Н. R. from the T. B., p. 317—318.

Такъ, измѣнившіяся требованія Ирландіи совпали съ государственными интересами въ предѣлахъ Соед. Королевства. Но еще шагъ, и открываются дальнѣйшія перспективы поистинѣ безконечной широты и неопишуемаго блеска. Если нынѣ относительно Ирландіи связь вынужденная, связь «номинальная» будетъ замѣнена добровольнымъ объединеніемъ на основѣ мѣстной автономіи, «свободнымъ сотрудничествомъ свободныхъ людей»¹⁾, то это вѣдь и есть тотъ великій «секретъ»²⁾, которымъ создалась, на которомъ стоитъ и развивается Британская Имперія. «Почтенные джентльмены, сидящіе напротивъ», говоритъ Г. Сэмюэль, «вѣчно повторяютъ всеу имя имперіи. Ахъ, если бы они поняли урокъ, ясно написанный на каждой страницѣ исторіи этой имперіи, если бы они поняли, что послѣднія 150 лѣтъ математически доказали, что только отказъ въ автономіи, а не дарованіе ея развиваеъ сепаратистскія тенденціи!»³⁾ Дарованіе широкихъ автономій колоніямъ не повело къ раздробленію. Путемъ объединенія ихъ на федеральныхъ началахъ, въ трехъ частяхъ свѣта подъ флагомъ Англій, создались могущественныя державы, и теперь едва ли кто сомнѣвается, что это былъ путь не къ окончательному распаденію имперіи, какъ цѣлаго, какъ могъ еще думать Кобденъ, а къ болѣе тѣсному сближенію ея частей. Только на федеральныхъ началахъ можетъ быть создано великое грядущее имперское объединеніе, необходимой предпосылкой котораго, какъ указываетъ патріархъ «имперскаго федерализма» виконтъ Гайтъ, является федерализація самого Соед. Королевства, при которой оно встрѣтится на полпути со своими колоніями⁴⁾.

Уніонисты не оставили такое вторженіе въ ихъ собственный лагерь безъ отвѣта. Въ рѣзко и остроумно написанной статьѣ Л. С. Эмери⁵⁾ утверждаетъ, что либералы, сопоставляя колониальный «гомруль» съ ирландскимъ, безсовѣстно выѣзжаютъ на двусмысленномъ прилагательномъ: «imperial», которое на англійскомъ конституціонномъ языкѣ означаетъ и «общегосударственный» (въ смыслѣ Соед. Королевства) и «общемперскій» (въ смыслѣ всей Британской Имперіи) и такимъ путемъ безнадежно смѣшиваютъ пѣлыхъ три категоріи отношеній: автономію колоній по отношенію къ Англій, отношенія провинцій федеральныхъ

¹⁾ Асквигъ, рѣчь при перв. чтеніи билля (пал. общ. 11 апр. 1912 г.) Н. Р. Т. В., р. 53. S. Gwynn, The case for Home Rule, p. 83 ss.

²⁾ Spender, p. 115.

³⁾ Рѣчь при перв. чтеніи билля (пал. общ. 15 апр. 1912 г.) Н. Р. Т. В., р. 58.

⁴⁾ Viscount Hythe, Problems of empire, 1913, p. 59 ss., 97.

⁵⁾ L. S. Amery, Home Rule and the Colonial analogy, сборн. Against Home Rule 1912, p. 128 ss.

колоній къ ихъ центрамъ и, наконецъ, вопросъ о федераціи между всѣми частями имперіи. Въ первомъ отношеніи «автономія» означала просто установленіе представительнаго и парламентарнаго образа правленія вмѣсто абсолютизма, такъ какъ колоніи не имѣли представителей въ англійскомъ парламентѣ. Но поэтому онѣ фактически почти совершенно независимы отъ Англии. Во всякомъ случаѣ, если Ирландія будетъ въ этомъ положеніи, то такъ и слѣдуетъ сказать, а не лгать, говоря о какомъ-то федерализмѣ! Во второмъ отношеніи автономія провинцій есть остатокъ ихъ прежней полной независимости другъ отъ друга. И здѣсь такимъ образомъ федерализмъ есть только путь къ объединенію раздѣленнаго. Да и можно ли видѣть федерализмъ въ союзѣ Южной Африки, гораздо болѣе напоминающемъ унитарное государство? И, наконецъ, какое можетъ быть облегченіе для созданія общеимперской федераціи отъ прибавленія къ нынѣ существующимъ самостоятельнымъ частямъ, подлежащимъ включенію въ эту федерацію, еще одной лишней въ лицѣ Ирландіи или же отъ превращенія одной изъ существующихъ частей, именно Соед. Королевства, изъ унитарнаго государства въ федерацію?

Разумѣется, отвѣчаютъ либералы, отношеніе Ирландіи къ Соед. Королевству не будетъ представлять никакой аналогіи съ отношеніемъ къ нему колоній. Напротивъ, это будетъ гораздо болѣе полное подчиненіе, нежели подчиненіе колоніальныхъ провинцій ихъ центрамъ, такъ какъ нѣтъ надобности отказаться отъ выгодной стороны единства, уже существующаго; но это будетъ, такъ же какъ и тамъ, подчиненіе, основанное на мѣстной автономіи и на добровольномъ согласіи ирландскаго народа, выраженномъ его представителями при принятіи акта о томъ рудѣ¹⁾. Что касается вопроса объ общеимперскомъ объединеніи, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что это объединеніе можетъ быть создано и отчасти уже создается не путемъ учрежденія совершенно новыхъ органовъ, а путемъ приспособленія и реорганизации единственныхъ уже существующихъ органовъ, общеимперскихъ по своимъ функціямъ, т.-е. высшихъ государственныхъ учреждений Соед. Королевства. Мы видимъ, какъ историческая эволюція превращаетъ судебный комитетъ тайнаго совѣта въ имперскій судъ въ полномъ смыслѣ слова, — не только по функціямъ, но и по составу²⁾; какъ она стремится къ тому же по отношенію къ военному и морскому вѣдомствамъ

¹⁾ Морской министръ Черчилль, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апр. 1912 г.). Н. Р. Т. В., pp. 113, 124.

²⁾ Keith, Responsible Government in the Dominions, III, p. 1555. Ср. бар. С. А. Корфъ, Автономныя колоніи Великобританіи, стр. 404.

Соед. Королевства, а далѣе и вѣдомству иностранныхъ дѣлъ¹⁾; какъ она постепенно превращаетъ перваго министра Соед. Королевства въ нѣчто, по словамъ С. Лоу, въ родѣ «имперскаго канцлера»²⁾). Но для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія этого процесса безусловно необходимо освобожденіе парламента и кабинета Соед. Королевства отъ мѣстныхъ дѣлъ отдѣльныхъ его частей. Только это дастъ парламенту возможность болѣе удовлетворительно выполнять имперскія функціи, уже въ настоящее время ему принадлежація, — какъ-то: иностранная политика, общеимперская оборона, законодательство и верховный надзоръ надъ Индіей и колоніями короны, а въ извѣстныхъ случаяхъ и законодательство для всей имперіи, — сдѣлаеть возможнымъ болѣе тѣсное сотрудничество парламента съ колоніальными конференціями и наконецъ перенесетъ «великій вопросъ» о включеніи представителей колоній на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ въ ту или другую палату изъ области утопій въ область практическихъ проблемъ, — независимо отъ того, въ какую форму окончательно выльется общеимперская федерація, въ форму ли полнаго вступленія колоній въ заранѣе созданную федерацію Соед. Королевства, или же, какъ думаетъ виконтъ Гайтъ, въ форму великой «федераціи федерацій», въ которой Соед. Королевство, Канада, Австралія и Южная Африка будутъ «четырьмя колоніями имперіи»³⁾). Но едва ли не большее значеніе, чѣмъ эта техническая сторона дѣла, имѣетъ моральное вліяніе окончательнаго примиренія англійскаго и ирландскаго народовъ, если принять во вниманіе громадную роль ирландскаго элемента въ колоніяхъ и Соединенныхъ Штатахъ и господствующее тамъ сочувствіе гомрулю. «Мы предвидимъ», говоритъ Черчилль, «наступленіе того столь долго отлагавшагося момента, когда этотъ островъ, вмѣсто того чтобы быть разрушительной силой въ Британской Имперіи, станетъ новымъ центромъ единенія, когда замолкнетъ жестокой и плачевный крикъ упрека, нарушавшій согласіе имперіи, когда проклятая машина, фабрикующая ненависть, будетъ сломана и изъ каждой страны, гдѣ господствуютъ нашъ языкъ и наши учрежденія, будутъ протянуты руки черезъ море въ мирѣ и любви. То будетъ побѣда, достойная стоять наравнѣ съ Трафальгаромъ и Ватерлоо. Всѣ части Британской Имперіи примутъ участіе въ нашей радости; всѣ парламенты въ ея предѣлахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ одобрятъ наше рѣшеніе; автономныя колоніи съ боль-

1) Hythe, p. 154 ss., 199 ss. Keith, III, p. 1547 ss. Бар. С. А. Корфъ, стр. 414.

2) Sidney Low, The Governance of England, ed. 1913, pref., p. XXII.

3) Hythe, p. 159.

шимъ довѣріемъ приближаться къ метрополіи. Какъ бы ни были велики затрудненія, стоящія на пути имперской федераціи, эти затрудненія значительно уменьшатся при примиреніи Великобританіи и Ирландіи, и болѣе того, тогда можно будетъ серьезно лѣять великую мечту объ окончательномъ объединеніи всѣхъ народовъ, говорящихъ по-англійски, во всемъ мірѣ. Почему бы этому не исполниться?.. Почему мы не можемъ всѣ заключить дружбу? Мы это сдѣлали въ Канадѣ; мы это сдѣлали въ Южной Африкѣ; многое сдѣлано въ послѣдніе мѣсяцы въ Бенгалѣ. Удовлетворяйте жалобы, врачуйте раздоры, хороните ненависть, связывайте интересы, соглашайте, консолидируйте, объединяйте!.. Я не могу забыть о тѣхъ сценахъ, при которыхъ я присутствовалъ, когда высоты Тугелы были взяты штурмомъ и осада Лэдисмита была снята. На вершинѣ холма, подъ огнемъ шестидесяти орудій, среди цѣлаго ада разрывавшихся снарядовъ, стояли храбрые буры. По открытому склону Дублинскій и Иннискиллинскій полки отважно шли на нихъ въ атаку. То былъ бой героевъ, — героевъ, чьихъ судьба и долгъ поставили на противоположныя стороны... И вотъ мы имѣемъ и тѣхъ и другихъ! Мы подружались съ нашими врагами; не можемъ ли мы подружиться съ нашими братьями по оружію? Не можемъ ли мы привлечь и удержать и тѣхъ и другихъ, и всѣхъ вмѣстѣ подъ кровомъ великой матери — имперіи, которая при всѣхъ злостепеніяхъ нынѣшнихъ временъ все такъ же подьметъ свой широкій щитъ противъ всякаго грозящаго врага и все такъ же держитъ открытой вѣрную дорогу для прогресса? Вотъ имперская точка зрѣнія! ¹⁾

II.

Съ этой же точки зрѣнія *consensus omnium*, «общаго согласенія», «общей свободы» правительство подходило и къ тому, что оно съ самаго начала признавало «единственнымъ серьезнымъ затрудненіемъ²⁾», — къ вопросу объ Ульстерѣ. Нужно замѣтить, что «Ульстеръ» понятіе довольно неопредѣленное. Изъ 9 графствъ, составляющихъ ульстерскую провинцію, въ пяти большинство принадлежитъ католикамъ и націоналистамъ и только въ четырехъ — протестантамъ и уніонистамъ³⁾, признаки, — которые къ тому же, благодаря пропагандѣ «древняго ордена иверійцевъ» и синдикализму, далеко уже не вполне совпадаютъ. Изъ 33 депутатовъ Ульстера

¹⁾ Черчилль, рѣчь на митингѣ въ Бельфастѣ 8 февраля 1912 г., изд. отд. брош.: *Irish Home Rule*, p. 6.

²⁾ Его же, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.). *H. R. T. V.*, p. 135.

³⁾ *Paul-Dubois*, p. 96. *Spender*, p. 63 ss.

17 націоналистовъ и 16 уніонистовъ. Это не мѣшаетъ «оранжистамъ» претендовать на «господство» во всей провинціи — вѣрнѣе, во всей Ирландіи. Въ основѣ оранжизма лежитъ, сохранившаяся съ XVII в. и несомнѣнно совершенно искренняя религіозная — и только отчасти «расовая» — вражда, по обыкновенію искусственно поддерживаемая высшими классами съ совершенно иными цѣлями. Въ вышеупомянутой рѣчи Макдональдъ, указавъ на исключительно угнетенное положеніе ульстерскаго пролетаріата, замѣчаетъ: «Это поддерживается чрезвычайно простымъ способомъ.... Когда отчуждается по санитарнымъ причинамъ домъ (when a slum landlord is to be evicted), то хозяинъ его становится религіознымъ. Когда дѣлается попытка искоренить въ Бельфастѣ потогонную систему, тогда бьютъ въ большой оранжевый барабанъ и тѣ мужчины и женщины, которые мучаются въ этихъ мастерскихъ, сейчасъ же выходятъ, и одни одѣваются въ оранжевое, другіе въ зеленое платье и забываютъ о всѣхъ реальныхъ вопросахъ, а тѣ, кто бьютъ въ барабаны, продолжаютъ эксплуатировать народъ. Хваленое благосостояніе Бельфаста было бы гораздо болѣе плодотворнымъ для массы его населенія, если бы мы могли объединить обѣ части его, давъ имъ возможность вліять на законодательство въ парламентѣ, засѣдающемъ въ Дублинѣ и зависимомъ отъ общественнаго мнѣнія Ирландіи¹⁾». Именуя себя «лояльнымъ гарнизономъ» Ирландіи, оранжисты далеко не считали себя англичанами и лояльность ихъ далеко не была безусловной. Возстаніе, объявленное ими на случай утвержденія гомруля, было лишь послѣднимъ изъ цѣлой серіи возстаній, которыми они угрожали всякій разъ, когда совершалось какое-либо покушеніе на «протестантскую гегемонію». Если въ настоящее время они, повидимому, готовы были бы удовлетвориться исключеніемъ Ульстера изъ остальной Ирландіи, то во время двухъ первыхъ обсужденій билля они упорно уклонялись отъ отвѣта на неоднократно предлагавшійся правительствомъ вопросъ, откажутся ли они отъ возстанія, если бы Ульстеръ былъ исключенъ изъ гомруля²⁾. И въ самомъ дѣлѣ, отдѣленіе Ульстера не только является искусственнымъ по экономическимъ причинамъ (такъ какъ Ульстеръ, какъ промышленная часть острова, является естественнымъ дополненіемъ къ остальной сельскохозяйственной части³⁾), но и вообще не является рѣшеніемъ

¹⁾ Рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апрѣля 1912 г.). Parl. Deb., vol. 34, p. 1458. Ср. любопытныя замѣтки Діонео, Изъ Англіи, «Русское Богатство», 1914, іюнь.

²⁾ См. Черчилль, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 138.

³⁾ Dunraven, A last plea for federation, Nineteenth Century. Dec. 1913, p. 1130.

вопроса. Если гомруль есть, какъ полагають оранжисты, «господство» ирландцевъ-католиковъ, то ульстерцы въ правѣ считать «низостью» «оставленіе на произволь судьбы» протестантскаго меньшинства внутренней Ирландіи; съ другой стороны, націоналисты столь же правы, не желая оставлять подъ властью оранжистовъ католическое меньшинство Ульстера. Иначе говоря, если бы ирландскій гомруль былъ тѣмъ, что на континентѣ разумѣется подъ «національной автономіей», то ульстерскій вопросъ былъ бы лишь примѣромъ безнадежности поисковъ «чистыхъ» національныхъ территорій, которая такъ наглядно выяснена новѣйшей исторіей Австріи.

Но гомруль не есть такая автономія. «Надъ этими людьми», говорилъ Редмондъ еще въ 1906 г., «я не желаю партійнаго торжества; я хочу повліять на ихъ умъ, я хочу разсѣять ихъ подозрѣнія, я хочу смягчить ихъ сердца... Нѣтъ тѣхъ предѣловъ, кромѣ нашихъ основныхъ принциповъ, за которые я не готовъ былъ бы итти, чтобы пріобрѣсти довѣріе этихъ людей и не потерять ихъ для Ирландіи, нѣтъ гарантій, на которыя я бы не согласился, чтобы успокоить страхи этихъ людей относительно ихъ религіозныхъ интересовъ»¹). «Мы не хотимъ раздора съ Ульстеромъ», говоритъ съ своей стороны Черчилль. «Мы хотимъ друзей, а не враговъ, мира, а не войны; мы хотимъ удовлетворять жалобы, а не создавать новыя; успокаивать, а не оскорблять; освобождать, а не порабощать»²). Правительство и націоналисты невозмутимо присутствовали при открытыхъ приготовленіяхъ къ возстанію, при заключеніи «торжественной лиги и ковенанта» (по образцу заключенныхъ шотландцами противъ Карла I), при вербовкѣ и обученіи «волонтеровъ», организациі генеральнаго штаба и даже сапернаго и санитарнаго корпусовъ³), присутствовали, избѣгая малѣйшаго провокаціоннаго шага и только непрестанно повторяя, что угрозами не добьешься ничего, соглашеніемъ — всего. Конечно, «мы не можемъ пожертвовать ради Ульстера палатой общинъ и имперскимъ правительствомъ»⁴), «поль-провинци не можетъ противопоставить безусловнаго вето всей имперіи»⁵), но всякое конкретное требованіе Ульстера,

¹) Redmond, Home Rule, Speeches, 1910, p. 206.

²) Рѣчь при второмъ чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 139.

³) Въ настоящее время ульстерская «армія» съ ея готовой организацией и кадрами отчасти уже обученныхъ людей принесла, повидимому, нѣкоторую пользу при наборѣ новыхъ войскъ.

⁴) Сэръ Э. Грей, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 2 мая 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 181.

⁵) Черчилль, рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.) Ibid., p. 138.

всякое условіе, при которомъ онъ могъ бы согласиться на гомруль, если бы онъ только сообразовалъ выставить таковыя, — было бы встрѣчено съ полнымъ и даже «почтительнымъ» вниманіемъ¹⁾. Дѣло не въ опасности вооруженнаго возстанія Ульстера, а въ томъ, чтобы «жизнь автономной Ирландіи началась при такихъ условіяхъ и въ такой атмосферѣ, которыя дадутъ ей значительный шансъ успѣшнаго существованія»²⁾. «Доброе согласіе (goodwill) ихъ (ульстерцевъ) стоитъ купить и за большую цѣну»³⁾.

Но на пути соглашенія правительства съ ульстерцами стояла англійская оппозиція, которая могла помѣшать такому соглашенію, не только благодаря партійнымъ связямъ, но и по совершенно другой причинѣ. Въ силу акта о парламентѣ 1911 г., для того, чтобы билль могъ быть повергнутъ на утвержденіе короля, помимо палаты лордовъ, онъ долженъ быть принятъ палатой общинъ во второй и третій разъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ въ первый, за исключеніемъ поправокъ, относительно которыхъ состоялось соглашеніе между палатами. Для всякаго измѣненія билля о гомрулѣ послѣ его принятія палатой общинъ въ первый разъ необходимо было поэтому согласіе палаты лордовъ, въ которой господствуетъ консервативная партія. Между тѣмъ въ отвѣтъ на всѣ авансы правительства, уніонисты и вожди ульстерцевъ долго выставляли одно безусловное требованіе: роспускъ парламента до окончательнаго проведенія гомруля. Но было ясно, что для рѣшенія ульстерскаго вопроса новые выборы ничего не могли бы дать. Въ случаѣ побѣды правительства ульстерцы, считающіе гомруль актомъ тираніи, обрекающимъ ихъ на гражданское и религіозное угнетеніе, не имѣли бы никакого основанія отказать отъ сопротивленія⁴⁾. Съ другой стороны, въ случаѣ побѣды оппозиціи, остался бы за рѣшеніемъ ульстерскаго вопроса вопросъ ирландскій; если небольшая часть Ирландіи имѣетъ право не допускать нежелательнаго ей порядка управленія, то, очевидно, нельзя отрицать такого права за подавляющимъ большинствомъ страны⁵⁾. На самомъ дѣлѣ, это требованіе устройства выборовъ специально по вопросу объ одномъ законопроектѣ было не чѣмъ инымъ, какъ попыткой косвенно отмѣнить актъ о парламентѣ

¹⁾ Churchill, Irish Home Rule, p. 9.

²⁾ Асквиль, рѣчь объ адресѣ (пал. общ. 10 февраля 1914 г.).

³⁾ Редмондъ, рѣчь на митингѣ въ Уотерфордѣ, «Times», 26 апрѣля 1914 г.

⁴⁾ См. пренія (въ особ. рѣчи сэра Э. Карсона и лидера оппозиціи Бонаръ-Ло) при втор. чтеніи билля во второй разъ (пал. общ. 27 іюня 1913 г.).

⁵⁾ См. пренія объ адресѣ въ началѣ сессіи 1914 г., въ особ. рѣчи лидера правительственной партіи въ палатѣ лордовъ маркиза Крю, лорда-канцлера лорда Гольдена и генерала-прокурора сэра Симона (пал. лордовъ 10 и 11 февраля и пал. общ. 11 февраля).

1911 г., вся цѣль котораго заключалась въ возможности проведенія биллей черезъ голову палаты лордовъ «въ предѣлахъ одного парламента»¹⁾. Требуя роспуска, консервативная партія играла въ безпроигрышную игру. Если бы побѣдило правительство, то можно было бы, «смотря по надобности», или утверждать, что на рѣшеніе избирателей повліяли другіе мотивы, и продолжать сопротивление гомрулю; или подчиниться въ этомъ вопросѣ, но противопоставить — именно на томъ основаніи, что выборы происходили только по одному вопросу — такую же преграду другимъ биллямъ кабинета: отмѣнѣ плорального голосованія, отдѣленію церкви отъ государства въ Уэльсѣ; а всего вѣрнѣе, и то и другое вмѣстѣ. Если же побѣдила бы оппозиція, то картина сразу бы измѣнилась; для партіи, распоряжающейся второй палатой, всѣ тонкія теоріи о «мандатѣ» неинтересны, когда она находится у власти; по какому бы вопросу ни «происходили» выборы, ничто не помѣшало бы ей ни отмѣнить актъ о парламентѣ, ни «исправить» законъ о все-народномъ страхованіи... И наконецъ, самое главное, всѣ средства казались хорошими, чтобы избѣгнуть надвигавшейся аграрной реформы. «Когда они говорятъ объ Ульстерѣ, они думаютъ о землѣ»²⁾.

Когда лѣтомъ 1913 г. стало выясняться, что гомруль будетъ проведенъ въ порядкѣ закона 1911 г., тактика уніонистовъ измѣняется. Не желая отказываться отъ «ульстерскаго вопроса», какъ орудія партійной борьбы, они предпринимаютъ рядъ выступленій, все болѣе бурныхъ и анархическихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаясь съ тѣмъ положеніемъ, въ которое они своей поддержкой ульстерскаго возстанія должны попасть, если запугать правительство не удастся, они дѣлаютъ по существу вопроса уступку за уступкой, пока, наконецъ, вопросъ, изъ-за котораго предполагается вести «гражданскую войну», не сводится къ почти комично-незначительнымъ размѣрамъ. Съ своей стороны, правительство, рѣзко разоблачая истинный смыслъ тактики англійской оппозиціи, старается изо всѣхъ силъ построить золотой мостъ для почетнаго отступленія ульстерцевъ. Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ пестрой исторіи послѣдняго года борьбы за гомруль.

Уже въ лѣтнихъ рѣчахъ лидеровъ оппозиціи имѣлись неопредѣленные указанія на то, что отрицательное отношеніе оппозиціи къ «гомрулю» еще не всецѣло предопредѣляетъ ея отношенія къ общимъ вопросамъ о деволуціи и о самоуправленіи Ирландіи. Письмо въ редакцію Times'a графа Лорберна 11 сентября 1913 г.,

¹⁾ Сэръ Э. Грей, рѣчь въ Бервикѣ, 27 октября 1913 г.

²⁾ Ллойдъ-Джорджъ, рѣчь на митингѣ въ Holloway Empire въ Лондонѣ. «Times» 1 декабря 1913 г.

въ которомъ бывшій лордъ-канцлеръ нынѣшняго правительства предлагалъ «соглашеніе на непартиійныхъ основаніяхъ», едва ли не было пущеннымъ въ отвѣтъ на эти намеки пробнымъ шаромъ. Во всякомъ случаѣ эффектъ получился изумительный и притомъ сразу въ двухъ направленіяхъ. Съ легкой руки графа Грея¹⁾, федерализмъ приобрѣлъ большую популярность среди членовъ оппозиціоннаго лагеря, при чемъ на всѣ лады доказывалось, что гомруль не есть федерализмъ²⁾. Съ другой стороны, появились указанія на возможность соглашенія на почвѣ исключенія Ульстера. Наконецъ, правительство сочло возможнымъ выступить официально. 25-го октября въ рѣчи въ Лэдибенкѣ Асквита указалъ на условія, на которыхъ могло бы состояться соглашеніе: долженъ быть сохраненъ въ неприкосновенности принципъ «учрежденія въ Дублинѣ подчиненнаго законодательнаго собранія съ отвѣтственной передъ нимъ исполнительнѣйшей властью»; хотя вполне признается важность распространенія принципа деволюціи на другія части Соед. Королевства, но требованіе Ирландіи должно быть удовлетворено первымъ; наконецъ, «не должно быть установлено постоянной или непроходимой преграды единству Ирландіи». Послѣ дальнѣйшаго «маневрированія»³⁾, въ декабрѣ и январѣ состоялись «разговоры лидеров», не приведшіе однако къ положительнымъ результатамъ.

Правительство, разумѣется, предпочло бы достигнуть компромисса на почвѣ общаго признанія той федеральной идеи, которая лежала въ основѣ его билля. Но практически новоявленный федерализмъ членовъ оппозиціи сводился къ завѣдомо неприемлемому требо-

¹⁾ Письмо въ редакцію «Times» 11 октября. Графъ Грей полагалъ, что весь недостатокъ нынѣшняго билля заключается въ томъ, что онъ построенъ на «національныхъ», а не на «федеральныхъ» началахъ. «Федерализмъ ведетъ къ объединенію и миру; націонализмъ — къ отторженію и войнѣ». Для «федерализма» нужно было бы опредѣленіе единаго образца автономіи для всѣхъ частей королевства и исключеніе несомвѣстимыхъ съ такой системой постановленій настоящаго билля, какъ напр. передачи автономной Ирландіи почтоваго управленія. При такихъ условіяхъ не было бы надобности уменьшать число представителей Ирландіи въ центральномъ парламентѣ и ирландскіе уніонисты не были бы поставлены въ неблагоприятное положеніе, сравнительно съ гражданами другихъ частей королевства. Къ этому отчасти присоединился и графъ Денрэвенъ: *A last plea for federation, Nineteenth Century, Dec. 1913.*

²⁾ Какъ образецъ этого уніонистскаго федерализма см. *Oliver, The alternatives to civil war, 1913.* — Одинъ анонимный авторъ находитъ даже, что для истиннаго федерализма нужно было бы раздѣленіе Ирландіи на четыре штата по числу провинцій. *Provincial selfgovernment versus Home Rule by an Irish Democrat, 1913.* — Федералистомъ оказался и извѣстный юристъ Кэвъ, въ 1912 г. энергично доказывавшій непримѣнимость федерализма къ унитарному государству. Ср. его рѣчь о предложеніи порицанія министерству (пал. общ. 19 марта 1914 г.) съ его статьей «The Constitutional question», «Against Home Rule», p. 102.

³⁾ См. въ особ. рѣчи Асквита въ Лидсѣ (27 ноября) и Манчестерѣ (5 декабря) и сэра Карсона въ Манчестерѣ (3 декабря) и Плимутѣ (6 декабря). «Times» отъ слѣд. дней.

ванію отложить дарованіе Ирландіи автономіи впредь до введенія федеральной системы во всемъ государствѣ. Такимъ образомъ оставалось только исключеніе Ульстера. Здѣсь правительство рѣшилось взять на себя инициативу согласительнаго предложенія, о чемъ оно заявило въ тронной рѣчи и въ преніяхъ объ отвѣтномъ адресѣ. На первый взглядъ рѣчи оппозиціи въ этихъ преніяхъ были все такъ же непримиримы. Однако же, было признано, что исключеніе Ульстера, хотя и не болѣе, какъ палліативъ, но палліативъ, на который можно было бы согласиться; лидеръ оппозиціи Бонаръ-Ло и самъ вождь ульстерцевъ сэръ Карсонъ заявили, что въ такомъ случаѣ Ульстеръ откажется отъ вооруженнаго сопротивленія, а послѣдній, кромѣ того, указалъ, что для націоналистовъ «есть два способа овладѣть Ульстеромъ»: захватить насильственно (take) и «привлечь» (win), показавъ на дѣлѣ, что ихъ управленіе подходит для него. Лидеръ націоналистовъ не преминулъ привѣтствовать такую точку зрѣнія, какъ почву для возможнаго соглашенія. 9-го марта, при открытіи преній о второмъ чтеніи билля въ третій разъ, правительство объявило свои предложенія. Въ каждомъ графствѣ Ульстера имѣеть быть, въ случаѣ требованія $\frac{1}{10}$ части избирателей графства, устроенъ плебисцитъ по вопросу о томъ, желаетъ ли данное графство быть включеннымъ въ автономную Ирландію. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, оно будетъ исключено на шесть лѣтъ. За это время успѣють выясниться и результаты автономіи, успѣють произойти по крайней мѣрѣ два раза новые выборы въ парламентъ Соед. Королевства, который будетъ имѣть полную возможность продолжить срокъ исключенія. При этомъ Асквиль указалъ, что расчлененіе Ирландіи (хотя бы временное) само по себѣ никому нежелательно и можетъ быть принято только какъ меньшее зло, если не будетъ предложено ничего лучшаго. Конкретныя предложенія правительства являются вообще только матеріаломъ для обсужденія, и оно хотѣло бы достигнуть соглашенія раньше внесенія соответствующаго билля.

Но ободренная успѣхомъ подписки подь «британскимъ ковенантомъ», въ которомъ подписавшіеся обязывались помочь ульстерцамъ въ случаѣ проведенія гомруля безъ предварительнаго роспуска, оппозиція отнеслась къ этимъ предложеніямъ (якобы въ виду временнаго характера исключенія Ульстера) съ категорическимъ отрицаніемъ и отвѣтила на нихъ горячимъ призывомъ продолжать подготовку возстанія. 15-го марта въ рѣчи въ Брэдфордѣ Черчилль указалъ, что дѣло идетъ о бунтѣ части имущихъ классовъ противъ демократическаго государства — тѣхъ классовъ, которые являются горячими защитниками общественнаго порядка, пока этотъ поря-

докъ означает охрану «хозяина отъ рабочаго, землевладѣльца отъ арендатора», а когда оказывается наоборотъ, проповѣдуютъ чисто анархическія ученія и не останавливаются передъ призывомъ арміи къ неповиновенію ¹⁾. Какъ бы нагляднымъ подтвержденіемъ этихъ словъ явился, повидимому подготовленный, инцидентъ съ массовыми прошеніями объ отставкѣ офицеровъ прландской кавалерійской бригады, которыхъ кому-то удалось увѣрить, что правительство составило какой-то «заговоръ» съ цѣлью спровоцировать возстаніе въ Ульстерѣ и потушить его въ крови... Но послѣ краткой минуты торжества, взрывъ общественнаго негодованія противъ попытки установленія «классовой законности» и «военнаго абсолютизма» ²⁾ показали оппозиціи, что она перегянула струну. «Армейскій кризисъ» общими усиліями былъ ликвидированъ безъ ущерба для авторитета законной власти.

Пренія второмъ чтеніи билля о гомрулѣ возобновились 31-го марта въ довольно спокойной атмосферѣ. При открытіи ихъ сэръ Э. Грей, подтвердивъ, что правительство не теряетъ надежды достигнуть компромисса, указалъ между прочимъ, что возможно было бы сочетаніе временнаго исключенія Ульстера съ «федерализмомъ»: въ періодъ исключенія дальнѣйшая «деволюція» могла бы получить «опредѣленное движеніе». Слова эти были встрѣчены съ сочувствіемъ съ «заднихъ скамей» обѣихъ партій. Начались даже попытки организаціи въ палатѣ общинъ группы «федералистовъ».... Но вожаки оппозиціи далеко не думали отказываться отъ боевой тактики. За неудавшейся демонстраціей безсилія правительства слѣдуетъ демонстрація силы ульстерцевъ. Въ ночь съ 24-го на 25-е апрѣля они захватываютъ нѣсколько мелкихъ прибрежныхъ пунктовъ и выгружаютъ съ подошедшихъ судовъ большое количество оружія. Но и это «представленіе» не вызвало въ широкихъ кругахъ общества ничего, кромѣ негодованія. Чувствуя за собой поддержку общественнаго мнѣнія, правительство на этотъ разъ дѣйствительно приняло нѣкоторыя мѣры для предупрежденія подобныхъ инцидентовъ. Въ засѣданіи палаты общинъ 28-го апрѣля Черчилль категорически заявилъ, что «если будетъ возстаніе — мы постараемся его подавить; если будетъ гражданская война, мы постараемся въ ней побѣдить». вмѣсто съ тѣмъ онъ указалъ, что оппозиція еще можетъ прекратить свою опасную игру, и опять напомнилъ о «федерализмѣ». Если бы Карсонъ взамѣнъ тѣхъ уступокъ, которыхъ

¹⁾ См. также рѣчь Ллойдъ - Джорджа на митингѣ въ Геддерсфилдѣ 21 марта.

²⁾ Рѣчь Д. Уорда въ пал. общ. 24 марта 1914 г. Hobson, Traffic in treason, 1914.

онъ требуетъ по вопросу объ исключеніи Ульстера, обязался бы содѣйствовать конечному объединенію Ирландіи, какъ единицы общей федеральной системы, то объ этомъ можно было бы говорить. И... казалось, оппозиція выкинула бѣлый флагъ. Карсонъ объявилъ себя горячимъ сторонникомъ единства Ирландіи. Бонаръ-Ло заявилъ что, оставаясь противникомъ гомруля, онъ ставитъ «миръ» выше всего; а федерализмъ для него — «вопросъ цѣлесообразности». Принципіальное значеніе совершившагося было запечатлѣно выступленіемъ Бальфура, признавашаго «дѣло своей жизни» — «сохраненіе уни» отнынѣ погибшимъ. На слѣдующій день «Times» заявилъ, что борьба противъ гомруля, какъ такового, не является болѣе «практической политикою».

Принципіально оппозиція какъ будто капитулировала. Но надежда на близость соглашенія снова не осуществилась. Среди крайнихъ консерваторовъ поднялся бунтъ противъ политики компромисса, и ожидавшіеся переговоры между лидерами не состоялись. А затѣмъ на годовомъ собраніи «лиги подсиѣжника», лордъ Ленсдоунъ объявилъ, что федерализмъ, какъ «не принятый избирателями», не можетъ быть положенъ въ основу соглашенія... 25-го мая, послѣ бурныхъ сценъ, билль о гомрулѣ былъ въ третій разъ принятъ палатой общинъ въ третьемъ чтеніи и съ этого момента автоматически подлежалъ утвержденію въ концѣ сессіи, что и должно было служить сигналомъ къ возстанію ульстерцевъ. А между тѣмъ долго сдерживавшееся желѣзной партійной дисциплиной возмущеніе ирландскаго народа прорвалось съ неудержимой силой и вождемъ оставалось только облечь его въ упорядоченныя формы. Въ нѣсколько недѣль возникла, въ противовѣсъ ульстерцамъ, громадная организація «ирландскихъ національныхъ волонтеровъ». Населеніе острова раздѣлилось на двѣ арміи, готовыя броситься другъ на друга.

Безуспѣшно прождавъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ контръ-предложеній оппозиціи, правительство рѣшилось на отчаянную попытку добиться соглашенія въ самомъ процессѣ парламентскаго обсужденія. Съ этой цѣлью¹⁾ 23-го іюня въ палату лордовъ былъ внесенъ «исправляющій билль къ акту объ управленіи Ирландіей» (самъ по себѣ содержавшій только мартовскія предложенія правительства). Результатъ былъ самый неудовлетворительный. Правда, рѣчи архіепископа Йоркскаго и графа Денрѣвена, упрекавшихъ обѣ стороны въ партійной узости и призывавшихъ ихъ бросить палліативы и заняться общими усиліями выработкой общаго плаана дево-

¹⁾ Маркизь Крю, рѣчь при перв. чтеніи исправляющаго билля (пал. лордовъ, 23 іюня 1914 г.).

люди, были встречены довольно сочувственно. Но практически палата осталась в плоскости исключения Ульстера и приняла поправки, заведомо для другой стороны неприемлемы: вся ульстерская провинция бессрочно исключалась без всякаго плебисцита. Передъ обсужденіемъ «исправляющаго билля» въ палатѣ общинъ выступила еще одна инстанція. «Въ моментъ, когда слова: гражданская война, были на устахъ у самыхъ отвѣтственныхъ людей», король счелъ возможнымъ вмѣшаться и пригласилъ представителей заинтересованныхъ сторонъ собраться на согласительную конференцію¹⁾. Но и en petit comité соглашенія не удалось достигнуть. При этомъ, однако, выяснилось одно любопытное обстоятельство: непримиримое разногласіе произошло даже не по вопросу о срочности исключения (по которому, повидимому, обѣ стороны готовы были пойти на уступки и имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько промежуточныхъ предложеній²⁾), а (какъ официально сообщилъ Асквитъ) по вопросу о пространствѣ подлежащей исключенію территории. Не было сомнѣнія о четырехъ «протестантскихъ» графствахъ³⁾. Оппозиція (если вѣрить свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать) готова была «уступить» три графства, въ подавляющемъ большинствѣ «католическія»⁴⁾. Изъ-за двухъ графствъ Тайронъ и Ферманагъ съ незначительнымъ католическимъ большинствомъ⁵⁾ и предстояло вести гражданскую войну... 28 іюля (н. с.) 1914 г. исправляющій билль долженъ былъ обсуждаться въ палатѣ общинъ, и общія ожиданія были весьма пессимистическія. А въ Ирландіи страсти все разгорались⁶⁾.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это положеніе дѣлъ было учтено въ Берлинѣ, какъ гарантія нейтралитета или по крайней мѣрѣ военной слабости Англій.

Какъ извѣстно, этотъ расчетъ былъ горько обмануть. 28-го іюля «исправляющій билль» по единодушному рѣшенію палаты былъ снятъ съ обсужденія. 3-го августа сэръ Грей, въ началѣ своей исторической рѣчи, указалъ на «одну свѣтлую точку» среди стущающагося

¹⁾ Конференція засѣдала 21—24 іюля 1914 года и состояла, подъ предсѣдательствомъ спикера, изъ Асквита и Ллойдъ-Джорджа со стороны правительства, маркиза Ленсдоуна и Бонаръ-Ло отъ оппозиціи, сэра Карсона и Крага отъ ульстерцевъ и Редмонда и Диллона отъ націоналистовъ.

²⁾ Какъ-то: устройство второго плебисцита по истеченіи извѣстнаго срока; предоставленіе права «включить» Ульстеръ палатѣ общинъ безъ участія палаты лордовъ (Ньюболта) и др.

³⁾ Энтримъ, Даунъ, Дерри, Армагъ.

⁴⁾ Кэванъ, Донегаль и Монаганъ.

⁵⁾ 53,8 и 54,6%.

⁶⁾ 26-го іюля близъ Дублина произошло столкновеніе между толпой народа и отрядомъ солдатъ, посланнымъ, чтобы воспрепятствовать выгрузкѣ оружія для національныхъ воюющихъ, при чемъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ.

мрака: за нѣсколько дней весь «ирландскій кризисъ» куда-то улетучился. Въ томъ же засѣданіи Редмондъ предложилъ правительству послать на континентъ всѣ войска, находящіяся въ Ирландіи, такъ какъ національные и ульстерскіе волонтеры совмѣстно берутъ на себя защиту острова.

Но патріотическое единодушіе никакъ не должно было означать побѣды какой-либо партіи. Ближайшей задачей являлась выработка «политическаго мораторія», съ цѣлью сохранить всѣ партіи до окончанія войны въ томъ же положеніи, въ которомъ онѣ находились при ея началѣ. Оппозиція предложила пріостановить особымъ закономъ все дальнѣйшее производство по биллю о гомрулѣ (съ тѣмъ, чтобы по окончаніи войны онъ продолжалъ пользоваться привилегіей акта о парламентѣ). Правительство нашло, что это означало бы пораженіе ирландцевъ, такъ какъ автоматическое утвержденіе билля, обезпеченное имъ въ настоящій моментъ, было бы поставлено въ зависимость отъ будущихъ выборовъ, на которыхъ этотъ вопросъ врядъ ли будетъ играть главную роль. Взамѣнъ этого оно внесло билль, которымъ откладывалось только введеніе гомруля въ дѣйствіе¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ въ ближайшую сессію имѣетъ быть внесенъ новый «исправляющій билль». Если же соглашеніе опять не состоится, то по окончаніи войны ульстерцы могутъ устраивать свое возстаніе въ тѣхъ же условіяхъ и съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ если бы ея не было²⁾. Билль былъ немедленно принятъ обѣими палатами (оппозиція воздержалась отъ голосованія³⁾.

18-го сентября, при закрытіи сессіи, билль о гомрулѣ, въ порядкѣ закона 1911 г., получилъ королевскую санкцію. Когда, послѣ патріотической манифестаціи палаты, раздались крики: «Да здравствуетъ Ирландія», ирландцы отвѣтили на нихъ возгласомъ: «Да здравствуетъ Англія»⁴⁾!

III.

«Гомруль», говоритъ Черчилль, «не есть раздѣленіе двухъ королевствъ; не есть отдѣленіе Ирландіи отъ Соединеннаго Королевства, а тѣмъ менѣе отъ Британской Имперіи; не есть даже конецъ парламентскаго единства; не есть колоніальная автономія; это есть

¹⁾ Минимумъ на годъ; если же война въ этотъ моментъ будетъ продолжаться, то срокъ имѣетъ быть определенъ королевскимъ указомъ.

²⁾ Асквиль (пал. общ. 15 сентября 1914 г.).

³⁾ По словамъ Бонаръ Ло правительство устроило себѣ партійную побѣду, полагаясь на патріотизмъ оппозиціи, — расчетъ «некрасивый, но правильный» (пал. общ. 15 сентября 1914 г.).

⁴⁾ Предсказанія Черчила (см. выше) вполнѣ осуществились. Утвержденіе гомруля дало лишній толчокъ патріотическому воодушевленію Канады и Австраліи и нанесло сильный ударъ германофильской агитаціи въ Америкѣ.

мѣра, дополняющая и расширяющая единство двухъ народовъ, въ формахъ, впервые получающихъ согласіе ирландскаго народа¹⁾.» Власть парламента Соед. Королевства надъ Ирландіей сохраняется на прежнихъ основаніяхъ. Всякій законъ, изданный имъ относительно Ирландіи по какому угодно предмету, послѣ введенія гомруля, pro tanto отмѣняетъ всѣ противорѣчащіе ему мѣстные законы (ст. 41 п. 2). Самый актъ о гомрулѣ подлежитъ свободному измѣненію въ этомъ и только въ этомъ порядкѣ. Мѣстные законы, противорѣчащіе акту о гомрулѣ или закону Соед. Королевства, относящемуся къ Ирландіи и изданному послѣ введенія гомруля, категорически объявляются недѣйствительными (ст. 41 п. 1). «Здѣсь», говоритъ Асквиль, «нѣтъ вопроса, какъ то было въ федеральныхъ колоніяхъ, о распредѣленіи законодательной власти между центральными и мѣстными учрежденіями. Здѣсь мы въ имперскомъ парламентѣ, а имперскій парламентъ не можетъ ни ограничить свою верховную власть, ни раздѣлять ее съ какимъ-либо учрежденіемъ или какой-либо частью владѣній его величества»²⁾. Согласно п. 2 ст. 1 акта о гомрулѣ, «не взирая на учрежденіе ирландскаго парламента и ни на какія постановленія настоящаго закона, верховное могущество и власть парламента Соединеннаго Королевства сохраняются безъ всякаго измѣненія и уменьшенія надъ всѣми лицами, предметами и вещами въ Ирландіи и въ каждой ея части». Послѣднія слова введены во время обсужденія билля въ палатѣ общинъ, въ качествѣ комитета, вмѣсто первоначальной редакціи: «во всѣхъ владѣніяхъ его величества», — для устраненія подозрѣній, высказанныхъ оппозиціей, что, значить, эта неограниченная власть въ Ирландіи будетъ на самомъ дѣлѣ такой же, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ «владѣніяхъ его величества», т.-е. фиктивной. Но, конечно, вопросъ рѣшается не этой редакціей закона. Какъ указалъ товарищъ генераль-прокурора сэръ Симонъ, невозможно опредѣлить въ статьѣ закона, что власть, и безъ того юридически-неограниченная, будетъ «еще болѣе неограниченной» въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ³⁾. Дѣло не въ нормѣ англійскаго официальнаго права, которая дѣйствуетъ и для колоній и здѣсь только категорически высказана, дѣло даже не въ (разумеется, совершенно иномъ) соотношеніи физическихъ силъ, а въ представительствѣ Ирландіи въ «имперскомъ» парламентѣ, которое,

¹⁾ Рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апрѣля 1912 г.). Ibid., p. 24.

²⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 113.

³⁾ См. Parl. Deb. vol. 39, p. 1759—1795 (Засѣданіе комитета всей палаты, 19 іюля 1912 г.).

какъ замѣчаетъ профессоръ Морганъ, превращаетъ верховную власть парламента по отношенію къ ней изъ «юридической формулы» въ «политическій фактъ»¹⁾. Законодательство относительно Ирландіи безъ согласія ея автономныхъ учреждений не будетъ нарушеніемъ той общепризнанной въ Британской Имперіи, хотя и не входящей въ ея официальное право, нормы, которая возбраняетъ законодательство о «бѣлыхъ» территоріяхъ и обложеніе ихъ безъ представительства и является любопытнымъ примѣромъ «пріоритета права надъ государствомъ»²⁾. Это не значитъ, что достаточно было бы призвать одностороннимъ актомъ англійскаго парламента представителей колоній, чтобы поставить ихъ въ то же положеніе, въ какомъ будетъ находиться Ирландія, такъ какъ и для этого требовалось бы предварительное ихъ согласіе; со стороны же Ирландіи такое согласіе, такое «добровольное подчиненіе» получено принятіемъ ея представителями билля о гомрулѣ; потому-то Черчилль и считаетъ возможнымъ сказать, что парламентъ Соед. Королевства будетъ имѣть «не только юридическое, но и моральное право» законодательствовать относительно Ирландіи³⁾.

Самый вопросъ о представительствѣ Ирландіи въ общebritанскомъ парламентѣ, бывший камнемъ преткновенія для биллей Гладстона⁴⁾, удалось разрѣшить сравнительно просто, благодаря плану общей «федерализаціи». Представители ирландскаго населенія сохраняются въ качествѣ полноправныхъ членовъ парламента, но число ихъ съ 103 (оно основано на актѣ объ уніи 1800 г.) уменьшается до 42 (между тѣмъ какъ по числу населенія оно должно бы быть около 65). Такимъ образомъ временно создается явно-аномальное (по признанію правительства) положеніе, которое должно быть какъ бы побужденіемъ для завершенія деволуціи, послѣ чего можетъ быть восстановлена правильная пропорція⁵⁾.

Въ основу организаціи автономной Ирландіи положены чрезвычайно простые и ясные принципы. Определенный общей формулой («ирландскій парламентъ можетъ издавать законы для мира, порядка и добраго управленія Ирландіи, поскольку они относятся исключительно къ Ирландіи или части ея, и съ нижеслѣдующими исключеніями», ст. 2) нормальный кругъ мѣстныхъ ирландскихъ дѣлъ всецѣло находится въ вѣдѣніи автономныхъ ирландскихъ учреждений, образующихъ единое цѣлое. Здѣсь законодатель-

¹⁾ Morgan, The Constitution, The new Ir. Const., p. 40.

²⁾ Иная конструкція у бар. С. А. Корфа, ук. соч., стр. 443.

³⁾ Рѣчь при втор. чтеніи билля (пал. общ. 30 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., p. 125.

⁴⁾ См. выше, стр. 32 сл.

⁵⁾ Асквитъ, рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апрѣля 1912 г.).

стствует ирландскій парламентъ, управляетъ зависимое отъ него на началахъ парламентаризма ирландское правительство и расходы по управленію этими дѣлами несутся особой ирландской казной. Другая категорія предметовъ — резерваціи, особо перечисленныя, — столь же абсолютно исключаются изъ компетенціи этихъ учреждений: здѣсь законодательствуетъ исключительно парламентъ Соед. Королевства, управляетъ правительство этого государства и за его счетъ. Дѣла эти суть: 1) корона и престолонаслѣдіе (ст. 2 п. 1), 2) иностранныя дѣла, международные договоры, исполненіе ихъ и т. п. (п. 2, 4), 3) государственная оборона (п. 3), 4) подданство, положеніе иностранцевъ, натурализація, право мѣстожителства, государственная измѣна (п. 6), 5) торговля (а также почтовые сношенія) съ какими-либо мѣстностями въ Ирландіи, мореплаваніе (п. 7—9), 6) монета, мѣра и вѣсъ (п. 10), 7) патенты, товарные знаки и авторское право (п. 11). Временно, въ связи съ финансовыми постановленіями того же закона¹⁾, исключаются дѣла «резерви-

¹⁾ Въ рамкахъ настоящей статьи невозможно подвергнуть подробному разбору эти постановленія, крайне сложныя, вслѣдствіе дефицита (см. выше). Сущность ихъ сводится къ слѣдующему. Непосредственно въ ирландское казначейство поступаетъ только почтовый доходъ. Всѣ налоги и пошлины будутъ на прежнемъ основаніи взиматься англійскими учрежденіями и поступать въ казначейство Соед. Королевства. Изъ этого казначейства будетъ ежегодно уплачиваться ирландскому казначейству содержаніе — «передаваемая сумма» (transferred sum) въ размѣрѣ государственныхъ расходовъ на Ирландію, за исключеніемъ «резервированной администраціи» (см. текстъ), въ годъ, предшествующій году введенія гомруля, плюсъ «подарокъ на разжию» (или «приданое», какъ выражаются англійскіе финансисты) въ 500.000 ф. въ первый годъ, а затѣмъ ежегодно на 50.000 ф. меньше, пока упадетъ до 200.000 ф. Такимъ образомъ расходы государственнаго казначейства на внутреннія ирландскія нужды (кромѣ «резервированной администраціи») будутъ фиксированы и естественный ростъ доходовъ съ Ирландіи пойдетъ на сокращеніе дефицита. «Передаваемая сумма» будетъ поступать въ полное распоряженіе ирландскаго парламента и будетъ расходоваться, по устанавливаемому имъ бюджету. Когда ирландскій парламентъ пожелаетъ взять на себя одну изъ указанныхъ въ текстѣ отраслей «резервированной администраціи», сумма расходовъ на нее въ послѣдній, предшествующій передачѣ ея годъ будетъ прибавлена къ «передаваемой суммѣ». Такъ же будетъ поступлено черезъ шесть лѣтъ послѣ введенія гомруля съ жандармеріей. — Ирландскій парламентъ можетъ измѣнять, увеличивать, уменьшать и отмѣнять существующіе налоги, а также вводить новые. Если вслѣдствіе такого постановленія ирландскаго парламента поступленіе съ даннаго налога уменьшится, то соотвѣтствующая сумма будетъ вычтена изъ «передаваемой суммы»; если увеличится, то соотвѣтствующая сумма будетъ прибавлена, но, если дѣло идетъ о подоходномъ налогѣ, наследственныхъ или таможенныхъ пошлинахъ, то такое увеличеніе не должно превышать 10% всего поступления съ даннаго налога; излишекъ сверхъ 10% остается въ казначействѣ Соед. Королевства. Это послѣднее ограниченіе имѣетъ въ виду «оставить мѣсто» для будущаго общегосударственнаго обложенія. Ирландскій парламентъ не можетъ также измѣнять ставокъ подоходнаго налога; это однако не относится къ добавочному налогу на высшіе классы доходовъ; относительно наследственныхъ и таможенныхъ пошлинъ онъ можетъ только измѣнять ставки, не касаясь прочихъ постановленій. Относительно таможенныхъ пошлинъ права ирландскаго парламента, кромѣ того, ограничены рядомъ постановленій, исключаящихъ возможность веде-

ванной администраціи»: жандармерія (на 6 лѣтъ); пенсіи для стариковъ, всенародное страхованіе, биржи труда и сберегательныя кассы (впредь до особаго постановленія ирландскаго парламента, когда онъ пожелаетъ взять на себя расходы на эти нужды); выкупная операція и сборъ налоговъ (впредь до общаго пересмотра финансовыхъ постановленій, въ связи съ прекращеніемъ дефицита) (ст. 2 п. 12) (см. прим.). Отъ этихъ резервацій въ общегосударственныхъ интересахъ нужно отличать ограниченія, установленныя въ защиту свободы совѣсти и правъ меньшинства. Ст. 3 акта не только воспрещаетъ автономной Ирландіи устанавливать прямо или косвенно какія-либо правоограниченія или преимущества въ зависимости отъ вѣроисповѣданія, священническаго или монашескаго сана¹⁾, но предписываетъ ей соблюдать абсолютное отдѣленіе церкви отъ государства, не расходовать никакихъ суммъ на религіозныя надобности, не устанавливать обязательнаго обученія закону Божію ни въ какихъ содержимыхъ на общественный счетъ училищахъ, не ставить дѣйствительность браковъ въ зависимость отъ религіозныхъ обрядовъ²⁾, не вмѣшиваться въ дѣла религіозныхъ общинъ. Особыя статьи (42 и 43) воспрещаютъ издавать законы относительно Дублинскихъ «протестантскихъ» и Бельфастскаго университета безъ ихъ на то согласія, обезпечиваютъ за ними содержание³⁾ и воспрещаютъ изданіе законовъ относительно или противъ франкъ-масоновъ.

нія имъ протекціонистской политики. Ирландскій парламентъ не можетъ облагать предметовъ, не обложенныхъ тарифомъ Соед. Королевства; не можетъ увеличивать пошлинъ на предметъ, изготовляемый въ Ирландіи, свыше соотвѣтствующаго акциза плюсъ «разумныя издержки»; не можетъ уменьшать ни самихъ таможенныхъ пошлинъ, ни соотвѣствующихъ акцизовъ. — Исполненіе этихъ постановленій ввѣряется «соединенному присутствію казначейства» (Joint Exchequer Board) изъ четырехъ членовъ, назначаемыхъ поровну англійскимъ и ирландскимъ министрами финансовъ и предсѣдателя, назначаемаго королемъ. Рѣшенія этого присутствія по вопросамъ факта окончательны; по вопросамъ толкованія закона допускается апелляція къ судебному комитету тайнаго совѣта. Когда всѣ государственные доходы съ Ирландіи въ теченіе трехъ лѣтъ превысятъ всѣ расходы на нее, соединенное присутствіе должно представить объ этомъ парламенту Соед. Королевства для общаго пересмотра финансовыхъ постановленій акта о гомрулѣ, на предметъ расширенія финансовыхъ правъ ирландскаго парламента и привлеченія Ирландіи къ участию въ общегосударственныхъ расходахъ. Ст. 14—26 акта о гомрулѣ Г. Сэмюэль, рѣчь при перв. чтеніи билля (пал. общ. 15 апрѣля 1912 г.). Н. Р. Т. В., р. 63 ss. Lord Welby, Financial relations, The new Ir. Const., p. 140 ss.

¹⁾ Направлено противъ папскаго Motu proprio «Quantavis diligentia».

²⁾ Направлено противъ декрета «Ne temere».

³⁾ Эта поправка была предложена оппозиціей въ комитетѣ всей палаты, съ цѣлью «обличить» неискренность правительства, и была неожиданно принята имъ и націоналистами. Редмондъ замѣтилъ, что онъ никогда не видѣлъ такого бессмысленнаго предложенія, но если это кого-нибудь можетъ успокоить, то «съ Богомъ». Засѣданіе комитета всей палаты, 21 октября 1912 г. Parl. Deb., vol., 24 p. 1763—1793.

Та же забота объ охранѣ правъ меньшинства проявляется и въ организаціи ирландскаго парламента. На верхнюю палату — сенатъ — возложена главнымъ образомъ эта задача. Члены ея избираются пропорціональнымъ голосованіемъ по четыремъ провинціямъ Ирландіи (Ульстеръ, Лейнстеръ, Мюнстеръ, Коннаутъ), каждая изъ которыхъ образуетъ единый избирательный округъ¹⁾. Изъ 40 сенаторовъ Ульстеръ выбираетъ 14. Ирландская палата общинъ состоитъ изъ 164 депутатовъ, при чемъ Ульстеръ выбираетъ 59; главный его городъ Бельфасть посылаетъ 14 депутатовъ, между тѣмъ какъ Дублинъ имѣетъ всего 11²⁾. Отношенія между палатами опредѣляются на весьма «модернистскихъ» основаніяхъ. Финансовое законодательство принадлежитъ исключительно палатѣ общинъ; по другимъ законопроектамъ, въ случаѣ двукратнаго принятія палатой общинъ въ двухъ сессіяхъ и отклоненія сенатомъ или внесенія имъ поправокъ, на которыя нижняя палата отказывается согласиться, вопросъ рѣшается соединеннымъ засѣданіемъ палатъ.

«Билль», говоритъ проф. Морганъ, «замѣчательнень той категоричностью, съ которой передаетъ Ирландіи распоряженіе ея исполнительной властью». Ст. 4 прямо постановляетъ, что исполнительная власть по предметамъ «ирландской администраціи», т.-е. по тѣмъ, по которымъ ирландскій парламентъ имѣетъ право законодательствовать (ст. 4 п. 7), осуществляется лордомъ-намѣстникомъ «по совѣту и съ помощью» исполнительнаго комитета ирландскаго тайнаго совѣта, состоящаго изъ назначаемыхъ и увольняемыхъ намѣстникомъ «ирландскихъ министровъ», которые должны быть или въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ назначенія стать членами одной изъ палатъ ирландскаго парламента, и при посредствѣ «ирландскихъ департаментовъ», во главѣ которыхъ стоятъ эти министры. «Никогда ни въ одной конституціи, изданной англійскимъ парламентомъ, не было такой полной и категорической передачи исполнительной власти»³⁾.

Что касается судебной власти, то она сама по себѣ также входитъ въ кругъ ирландской автономіи; актъ о гомрулѣ ограждаетъ только независимость судей (ст. 27). Такъ какъ ирландскіе законы, проти-

¹⁾ Ст. 8 и прил. I, ч. III. Въ отличіе отъ биллей Гладстона, въ настоящемъ законѣ нѣтъ уже рѣчи ни о какомъ повышенномъ цензѣ для выборовъ въ верхнюю палату.

²⁾ Ст. 9 и прил. I, ч. I. Впрочемъ, ирландскій парламентъ можетъ измѣнять избирательное право для палаты общинъ, число и распредѣленіе депутатовъ, соблюдая лишь должную пропорцію населенности округовъ (ст. 9, п. 4). Это право предоставлено ему, повидимому, исключительно для того, чтобы свалить на него вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ, который отравлялъ жизнь парламента даже и при обсужденіи этого билля. См. зас. комитета всей палаты 5 ноября 1912 г.

³⁾ Morgan, I. c., p. 31, 34.

ворѣчащіе акту о гомрулѣ или другимъ законамъ Соед. Королевства, являются недѣйствительными, то въ силу общихъ принциповъ англійскаго права суды должны отказывать въ примѣненіи такихъ законовъ¹⁾. Высшей апелляціонной инстанціей для ирландскихъ судовъ является отнынѣ судебный комитетъ тайнаго совѣта (вмѣсто палаты лордовъ; ст. 28). Особо гарантировано право обжалованія въ этотъ судъ приговоровъ ирландскихъ судовъ по жалобамъ на дѣйствія публичной власти (въ порядкѣ такъ наз. Prerogative writs; ст. 28, п. 4) и по вопросамъ о дѣйствительности ирландскихъ законовъ (ст. 30 п. 1). Кромѣ этого контроля въ чисто-судебномъ порядкѣ тому же суду принадлежитъ въ извѣстныхъ случаяхъ право автентическаго толкованія предѣловъ законодательной власти ирландскаго парламента. Именно, лордъ-намѣстникъ или статсъ-секретарь Соед. Королевства можетъ непосредственно передать на его заключеніе по этому вопросу всякій законъ, принятый ирландскимъ парламентомъ и даже всякій билль, внесенный въ этотъ парламентъ (ст. 29).

Оставляя за собой столь широкое право контроля надъ законностью дѣйствій ирландскаго парламента и правительства, государственная власть Соед. Королевства контролируетъ ихъ цѣлесообразность только въ одномъ строго опредѣленномъ порядкѣ. Насколько исполнительная власть прямо передается автономной Ирландіи, настолько же прямо правительству Соед. Королевства предоставляется право вето относительно ирландскихъ законовъ. Согласно ст. 7 лордъ-намѣстникъ даетъ отъ имени короля санкцію ирландскимъ биллямъ (shall give or withhold the assent of His Majesty) или отказываетъ въ таковой, окончательно или временно, согласно «инструкціямъ, даннымъ ему его величествомъ относительно подлежащаго билля». Это право вето, рядомъ съ охраной интересовъ общегосударственныхъ, должно служить лишней гарантіей и для интересовъ меньшинства. На замѣчанія оппозиціи, что такое же право имѣется у британскаго правительства и по отношенію къ колоніямъ, но не примѣняется, Редмондъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, оно примѣняется; оно примѣнялось прежде и оно было бы примѣнено завтра, если бы было предложено что-либо въ родѣ несправедливаго и нетерпимаго билля, направленнаго противъ кого-либо, по причинѣ его религіозныхъ убѣжденій²⁾. Оппозиція задавала

¹⁾ Pollock, The judicial committel, *ibid.*, p. 81.

²⁾ Рѣчь при внесеніи билля (пал. общ. 11 апрѣля 1912 г.). *Parl. Deb.*, vol. 36, p. 1446. И въ самомъ дѣлѣ, то отношеніе къ правамъ меньшинства, которымъ, можно сказать, пропитанъ актъ о гомрулѣ, не представляетъ

вопросъ, что будетъ, если лордъ-намѣстникъ откажетъ въ утвержде-
ніи билля и ирландское министерство въ отвѣтъ на это подастъ
въ отставку и не будетъ возможности образовать другое. Отвѣтъ
Асквита представляетъ собою превосходный образчикъ англійскаго
common sense: «Нѣтъ на свѣтѣ такой конституціи, которую нельзя
было бы черезъ мѣсяць привести къ мертвой точкѣ, если всѣ стороны
пойдутъ до крайнихъ предѣловъ своихъ формальныхъ правъ,
безъ всякаго вниманія къ общимъ ихъ интересамъ... На какой
гипотезѣ основаны всѣ эти остроумныя иллюстраціи конститу-
ціонной мервой точки? Гипотеза та, что у васъ, съ одной стороны,
будутъ представители большинства ирландскаго народа въ ирланд-
скомъ парламентѣ, стремящіеся къ угнетенію своихъ соотечествен-
никовъ, наслаждающіеся всѣми видами гоненія, гражданскаго,
политическаго и религіознаго, враги единства имперіи, поставившіе
себѣ цѣлью использовать дарованную имъ имперскимъ парламен-
томъ законодательную власть такимъ образомъ, чтобы сдѣлать
жизнь меньшинства въ Ирландіи невозможной и обратить единство

собою по принципу своему чего-либо новаго для Британской Имперіи. Бла-
годаря особымъ мѣстнымъ условіямъ и иному, въ сравненіи съ колоніями,
отношенію Ирландіи къ Соед. Королевству, въ этотъ законъ внесены
гарантіи правъ меньшинства, по своему конкретному содержанію исключи-
тельно — широкія и интенсивныя, представляющія собою настоящій *unicum*
въ этомъ отношеніи. Но и вообще, даруя принадлежащимъ ей территоріямъ
безбрежно широкія автономіи, совершенно отказываясь отъ своего «господ-
ства», Англія никогда не признавала автономій «національно-территоріаль-
ныхъ», никогда не признавала «господства» одной части «подданныхъ короля»
надъ другими (по крайней мѣрѣ, бѣлыми). Можно сказать, что въ этомъ
даже состоитъ почти все содержаніе формальнаго «суверенитета» Англіи
надъ колоніями. Защита правъ меньшинства (а также цвѣтныхъ расъ)
является едва ли не единственнымъ основаніемъ, при которомъ вмѣшатель-
ство во внутреннія дѣла автономныхъ колоній признается правомѣрнымъ.
Исключительно ради принципа равноправія національностей, Англія вела
своими войсками и на свой счетъ войну за расширеніе своихъ южно-афри-
канскихъ владѣній, въ которыхъ англійская власть въ теченіе долгаго періода
совершенно «отсутствовала». Завоевавъ бурскія республики, она снова
«удалилась», а затѣмъ санкционировала учрежденіе подъ ея флагомъ тѣхъ
самыхъ «Соединенныхъ Штатовъ Южной Африки», о которыхъ мечтали
буры. Вся разница въ томъ, что это автономія Южной Африки, а не «афри-
кандеровъ»-голландцевъ. Именно противъ этого возставала бурская на-
ціоналистическая партія, крайніе элементы которой организовали осенью
1914 г. возстаніе, подавленное, безъ помощи имперскаго правительства,
самимъ правительствомъ и большинствомъ населенія (въ томъ числѣ бур-
скаго) Южной Африки. — За расширеніе «имперскихъ гарантій» индивидуаль-
ныхъ правъ недавно рѣшительно выступила англійская рабочая партія,
менѣе всего склонная къ «империализму». По поводу высылки безъ суда
вождей рабочихъ во время южно-африканской забастовки 1913 г. эта партія
выставила требованіе объ обезпеченіи подданнымъ короля на всемъ простран-
ствѣ имперіи правъ, гарантированныхъ *Nabeas Corpus Act*'омъ. При этомъ
указывалось, что «автономія» заслуживаетъ уваженія, поскольку она означаетъ
свободу; если же большинство автономной территоріи угнетаетъ меньшинство,
опираясь на силу, то дредноуты имперскаго правительства — аргументъ,
ничѣмъ не худшій.

имперіи въ насмѣшку!.. Съ другой стороны, предполагается, что у васъ здѣсь, на этой сторонѣ канала св. Георга, будетъ британскій парламентъ, бдительный, ревнивый, придирчивый къ тѣмъ правамъ, которыя онъ самъ же даровалъ ирландскому народу, поставившій себѣ цѣлью отыскивать посредствомъ микроскопическаго, постоянного наблюденія возможность угнетенія или несправедливости въ каждомъ предлагаемомъ законѣ и пользоваться своими резервированными правами такимъ образомъ, чтобы превратить дарованную Ирландіи автономію въ иллюзію и насмѣшку!.. Я согласенъ, что если все это правильно, то весь билль никуда не годится»¹⁾.

То, что поражаетъ континентальнаго юриста при изученіи ирландской автономіи, — это изумительное, съ точки зрѣнія традиціонныхъ концепцій, несоотвѣтствіе между громаднымъ размѣромъ законодательныхъ и правительственныхъ функцій ирландскихъ автономныхъ учреждений, ихъ широкой самостоятельностью при осуществленіи этихъ функцій, ихъ чисто-государственной организаціей, — и ихъ юридическимъ положеніемъ въ англійскомъ государственномъ строѣ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, гомруль нельзя признать ничѣмъ инымъ, какъ чисто—провинціальнымъ самоуправленіемъ. Ирландія остается частью Соединеннаго Королевства, вполне подчиненной его законодательной власти; ея автономныя учреждения и права публичной власти, имъ принадлежація, существуютъ исключительно на основаніи и въ предѣлахъ законовъ Соед. Королевства и подлежатъ отмѣнѣ и измѣненію въ томъ же порядкѣ. Правда, въ томъ же положеніи находятся формально и автономныя колоніи. Но въ гомрулѣ мы не находимъ именно тѣхъ свойствъ колоніальной автономіи, которыя въ корнѣ измѣняютъ истинное юридическое положеніе колоній въ сравненіи съ этой формальной схемой: права «самоорганизаціи» посредствомъ измѣненія конституціи, и фиктивности односторонней законодательной власти англійскаго парламента по дѣламъ, входящимъ въ область законодательной власти колоній, а также относительно самихъ колоніальныхъ конституцій. Для Ирландіи эта обычная формальная схема, представляющая собой для колоніальнаго права только «оболочку», за которой кроется совершенно иное юридическое содержаніе, сохраняетъ полное реальное значеніе.

По тѣмъ же основаніямъ, характеристика гомруля и всего плана деволуціи, какъ «федерализма», юридически явно неправильна. И по завершеніи деволуціи Соед. Королевство не превратится изъ унитарнаго государства въ федерацію. Въ этомъ не можетъ

¹⁾ Рѣчь въ комитетѣ всей палаты 29 октября 1912 г.

быть сомнѣнія съ точки зрѣнія господствующей въ нашей литературѣ теоріи союзнаго государства Лабанда-Еллинека, такъ какъ о признаніи автономной Ирландіи «несувереннымъ государствомъ» съ «собственнымъ» или «самостоятельно возникшимъ» «правомъ господства», очевидно не можетъ быть и рѣчи. Но и независимо отъ той или другой теоріи федераціи, здѣсь нѣтъ налицо той элементарной предпосылки, при которой этотъ вопросъ вообще можетъ быть поставленъ. Мы не имѣемъ здѣсь вовсе никакого распредѣленія «права господства» между центральной и мѣстной властями, — не имѣемъ вовсе исключительной области мѣстнаго законодательства, которую находимъ не только въ федеральныхъ государствахъ, но и въ федеральныхъ колоніяхъ Великобританіи (даже въ такихъ квази-федерацияхъ, какъ Канада и Южная Африка, въ которыхъ область мѣстнаго законодательства опредѣляется перечнемъ, а компетенція центральной власти является нормальной). Взаимнѣ этого мы имѣемъ раздѣленіе предметовъ законодательства на двѣ области: область исключительной компетенціи центральной власти и область конкуренціи обѣихъ властей, съ превалированіемъ центральной. Неограниченная законодательная власть парламента Соед. Королевства относительно Ирландіи есть не принадлежащая федеральной власти «компетенція надъ компетенціей», — право расширять (въ болѣе или менѣе сложномъ порядкѣ пересмотра федеральной конституціи) свою компетенцію насчетъ компетенціи штатовъ, а принципиальная *ab initio* полнота компетенціи¹⁾.

Но автономная Ирландія не можетъ быть поставлена и наравнѣ съ существующими въ составѣ нѣкоторыхъ унитарныхъ государствъ «автономными областями». Если исходить изъ функціональнаго различія между «самоуправленіемъ» и «автономіей», соответствующаго различію управленія и законодательства «въ матеріальномъ смыслѣ», т.-е. установленія правовыхъ нормъ, то гомруль, разумѣется, есть не только «самоуправленіе», но и «автономія». Но такое понятіе автономіи (общепринятое въ нѣмецкой литературѣ) вообще непригодно для выдѣленія особаго вида учреждений, такъ какъ «автономія» въ этомъ смыслѣ принадлежитъ всякому учрежденію мѣстнаго самоуправления, имѣющему право изданія обязательныхъ постановленій²⁾. Напротивъ, тѣ свойства ихъ юридическаго *status'a*, которыя заставляютъ относить «автономныя области» къ высшему формальному «рангу» въ сравненіи съ обычными самоуправляющимися

¹⁾ Ср. Morgan, l. c., p. 14.

²⁾ См., впрочемъ, интересную попытку примѣненія къ этому вопросу теоріи закона въ формальномъ смыслѣ у Н. И. Лазаревскаго, Лекціи по русскому государственному праву, стр. 217.

территоріями, — право самоорганизациі¹⁾; особый кругъ мѣстнаго законодательства, въ который центральная законодательная власть не можетъ вступаться иначе, какъ въ томъ или иномъ особомъ порядкѣ «пересмотра» отношеній между государствомъ и областью (въ порядкѣ пересмотра подлежащихъ постановленій государственной конституціи или даже только съ согласія самой области), — въ данномъ случаѣ отсутствуютъ²⁾. Съ этой точки зрѣнія могучее

¹⁾ На этомъ признакѣ основано опредѣленіе «автономіи», предлагаемое бар. Б. Э. Польде, Очерки русскаго государственнаго права, стр. 269.

²⁾ Въ своей теоріи государственныхъ фрагментовъ Еллинекъ, какъ извѣстно, конструируетъ общее понятіе «промежуточныхъ» государственно-правовыхъ образованій между «несувереннымъ государствомъ» и провинціей унитарнаго государства, обладающихъ однимъ или нѣсколькими элементами государства, но въ «несовершенномъ» видѣ. Поскольку дѣло идетъ о власти (остальные случаи для насъ здѣсь безразличны), такое «фрагментарное» положеніе области должно заключаться въ наличности у нея «несовершенной государственной власти», а именно въ «соучастіи» ея органовъ, какъ таковыхъ, съ органами государственныхъ въ осуществленіи государственныхъ функций, каковое соучастіе отличаетъ «организованный фрагментъ», какъ отъ самоуправляющагося союза, органы котораго могутъ выполнять государственныя функции только, поскольку онѣ дѣйствуютъ въ качествѣ органовъ того государства, которому данная территорія принадлежитъ, такъ и отъ «несувереннаго государства», выполняющаго эти функции вполнѣ самостоятельно. Примѣняя эту теорію къ англійскимъ колоніямъ, Еллинекъ усмотрѣлъ «соучастіе» въ роли колониальныхъ губернаторовъ, въ особенности въ осуществляемомъ при ихъ посредствѣ участіи англійскаго монарха въ колониальномъ законодательствѣ, вслѣдствіе котораго «канадскіе законы суть акты воли, одновременно англійскіе и канадскіе» (Ueber Staatsfragmente, Festgabe der Univ. Heidelberg; 1896, S. 277). (Та же теорія съ интересной модификаціей у О. О. Кокшкіна, Лекціи по общему государственному праву, стр. 207). Не входя въ разборъ этой теоріи по существу, намъ достаточно отмѣтить, что къ ирландской автономіи и она непримѣнима. Именно, нужнаго Еллинеку «соучастія» нельзя усмотрѣть въ строѣ автономной Ирландіи. Принципы ея совершенно обратныя. Въ «имперскихъ» функцияхъ, т.-е. функцияхъ, признаваемыхъ государственнымъ, органы автономной Ирландіи не принимаютъ никакого участія. Ирландскія же функции, образующія замкнутый кругъ, выполняютъ они и только они. Сообразно этому, въ лицѣ лорда-намѣстника, какъ прямо указывало правительство (ирландскій секретарь Биррель, рѣчь въ комитетѣ всей палаты, 25 декабря 1912 г.), сочетаются собственно два органа. Въ области «ирландской администраціи», а также въ отношеніяхъ съ палатами, кромѣ утвержденія законовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онѣ дѣйствуютъ «по совѣту и съ помощію» ирландскаго министерства, онѣ является «ирландскимъ чиновникомъ» (Irish officer), органомъ («парламентарнымъ монархомъ») автономной Ирландіи. Въ области же административныхъ дѣлъ, «резервированныхъ», а также при утвержденіи ирландскихъ законовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онѣ подчинены лондонскому правительству, онѣ является «имперскимъ чиновникомъ» (Imperial officer), органомъ Соед. Королевства. Что касается самаго права санкціи ирландскихъ законовъ, то статья I билля о гомрулѣ, совершенно такъ же, какъ и колониальныя конституціи, объявляетъ, что «ирландскій парламентъ состоитъ изъ его величества короля, ирландскаго сената и ирландской палаты общинъ». Но конструировать роль «короля» въ ирландскомъ законодательствѣ, какъ обычное участіе монарха въ государственномъ законодательствѣ, было бы крайне искусственно. Сущность ея опредѣляется не формулой статьи I, которая и есть не болѣе, какъ освященная традиціей формула, а вышеприведенными постановленіями ст. 7 и тѣмъ значеніемъ, которое придавалось ей при обсужденіи билля. Съ этой же точки зрѣнія это не есть вовсе «участіе» въ ирландскомъ законодательствѣ, наравнѣ съ ир-

«провинціальное самоуправленіе» Ирландіи не выдерживаетъ сравненія съ жалкой «областной автономіей» австрійскихъ коронныхъ земель, ограниченной крайне узкимъ кругомъ дѣлъ и поставленной подъ стѣснительную административную опеку.

Передъ нами новое явленіе государственнаго права¹⁾. Всякая попытка найти ему мѣсто среди признанныхъ наукой формальныхъ категорій, не можетъ не привести къ совершенно искусственному результату. Передъ нами несомнѣнно первый случай примѣненія принциповъ федерализма (въ чисто-политическомъ смыслѣ) къ государству вполнѣ унитарному и притомъ не подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было «независящихъ обстоятельствъ», а по дѣйствительно свободному произволению центральной власти, находящейся во всей полнотѣ своего державнаго могущества. При такихъ условіяхъ, разумѣется, мѣстныя автономіи могутъ быть основаны исключительно на делегации изъ центра; при такихъ условіяхъ, далѣе, центральной власти нѣтъ надобности отрекаться отъ принципиальной полноты своей компетенціи или ограничивать ее какими-либо искусственными преградами, въ родѣ тѣхъ, которыя устанавливаются при вступленіи независимыхъ до того государствъ въ федеральный союзъ, противъ расширенія компетенціи центральной власти, вновь создаваемой. И въ этомъ первомъ опытѣ заключается общій интересъ акта о гомрулѣ и всего плана «деволюціи», не только съ юридической, но съ гораздо болѣе обширной точки зрѣнія.

Разсуждать о «центростремительныхъ и центробѣжныхъ» тенденціяхъ, какъ о какихъ-то абстрактныхъ силахъ, всегда тождественныхъ и вступающихъ во всякомъ политическомъ обществѣ въ ту же самую предустановленную борьбу, является весьма ненаучнымъ антропоморфизмомъ. Если ужъ подниматься на умозрительныя высоты, то едва ли не правильнѣе будетъ сказать, что въ этомъ вопросѣ, какъ и вообще въ развитіи человѣческихъ обществъ мы имѣемъ единую вѣчную тенденцію, ведущую отъ

ландскими палатами, а особое, принадлежащее отвѣтственному передъ парламентомъ Соед. Королевства правительству, право «имперскаго вето», право утвержденія, или, вѣрнѣе, право неутвержденія ирландскихъ законовъ (институтъ, выработанный въ колоніальной практикѣ, — въ видѣ «имперскаго вето» англійскаго правительства и «центрального вето» канадскаго и южно-африканскаго правительствъ по отношенію къ законодательству провинцій этихъ колоній). Скорѣе ужъ здѣсь допустима аналогія (вопреки тому, что Елинекъ говоритъ о Канадѣ) съ правомъ утвержденія, которое можетъ принадлежать государственнымъ органамъ по отношенію къ поставленнымъ органамъ самоуправления.

¹⁾ По замѣчанію лорда Чарнвуда, англичанамъ и въ этой области приходится быть «пионерами». Murray Macdonald and Lord Charnwood, *The federal solution*, p. 4.

однообразныхъ и потому именно безсвязныхъ отношеній къ отношеніямъ разнообразнымъ и потому именно находящимся между собой въ живой связи. Если же обратиться къ фактамъ, то вопросъ представляется гораздо болѣе сложнымъ. Правильно, что всѣ существующія федераціи, могущія претендовать на признаніе ихъ успѣшными опытами, явились средствомъ объединенія, правильно и то, что въ развитіи ихъ замѣчается тенденція къ усиленію единства, къ расширенію компетенціи центральной власти. Но этимъ весьма мало сказано, пока мы не знаемъ, въ какомъ смыслѣ здѣсь слѣдуетъ понимать «единство» и для чего эта компетенція расширяется. А между тѣмъ уже вѣковая исторія Соед. Штатовъ Америки даетъ возможность сдѣлать интересные выводы и на этотъ счетъ. Мы видимъ тенденцію къ установленію общаго правового минимума, тенденцію, которая выразилась уже въ первыхъ десяти поправкахъ къ федеральной конституціи¹⁾ и торжествовала побѣду въ запрещеніи рабства. Мы видимъ также тенденцію къ централизованному регулированію такихъ явленій, которыя по самому существу своему выходятъ за предѣлы воздѣйствія отдѣльныхъ штатовъ, — именно для этого въ послѣднее время возбуждался вопросъ объ облегченіи возможности измѣненія конституціи²⁾. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ о единообразномъ регулированіи тѣхъ или другихъ отношеній, когда это необходимо и фактически возможно, благодаря реальному единству условій. О разнообразномъ регулированіи тамъ, гдѣ разнообразіе фактически имѣется, здѣсь вовсе не идетъ рѣчь, такъ какъ исходной точкой является принципиальная компетенція штатовъ. Англія находится, какъ совершенно правильно указываетъ Асквиль, въ обратномъ положеніи. Разнообразіе мѣстныхъ условій существуетъ на дѣлѣ и вовсе не выказываетъ тенденціи уменьшаться, что опять-таки не мѣшаетъ развитію и общихъ потребностей, выражающихся въ грандіозномъ общегосударственномъ социальномъ законодательствѣ. При такихъ условіяхъ переходъ отъ стараго типа унитарнаго государства къ законодательной децентрализаціи нисколько не противорѣчитъ тенденціи къ «объединенію». Напротивъ, мы видимъ, что деволюція способствуетъ планамъ болѣе тѣснаго сближенія частей имперіи. Но, конечно, при такихъ условіяхъ, центральная власть имѣетъ всѣ ос-

¹⁾ Эти постановленія, гарантирующія индивидуальныя права американскихъ гражданъ и направленные, по мысли ихъ авторовъ, главнымъ образомъ противъ федеральнаго правительства, на самомъ дѣлѣ явились едва ли не важнѣйшимъ объединительнымъ элементомъ въ первомъ періодѣ исторіи федераціи.

²⁾ См. Б. Е. Шацкій, Конституціонный кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ. «Юридическій Вѣстникъ», кн. IV, 1913 г.

нованія сохранить за собой полную свободу къ унификаціи законодательства въ тѣхъ случаяхъ, когда къ этому существуетъ фактическая потребность¹⁾.

Но отъ этой единой тенденціи (какъ ее ни называть), укрѣпляющей государственное единство и способствующей развитію мѣстныхъ автономій, слѣдуетъ строго отличать другую тенденцію, принципиально несовмѣстимую ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, хотя въ каждомъ конкретномъ случаѣ она выступаетъ за одно въ ущербъ другому, — тенденцію къ господству одной части населенія или одной территоріи надъ другой. Съ этой точки зрѣнія весь вопросъ принимаетъ совершенно иной характеръ. Весь смыслъ и вся цѣнность мѣстной автономіи заключается тогда въ «автономномъ угнетеніи», въ отрицательномъ правѣ на «невмѣшательство» третьихъ въ дѣла «господь» данной территоріи. Это та точка зрѣнія, на которой въ наиболѣе чистомъ видѣ стояли плантаторы южныхъ штатовъ въ Сѣверной Америкѣ. Съ другой стороны, весь смыслъ «государственнаго единства» заключается тогда въ отрицаніи мѣстной автономіи, въ нарушеніи мѣстнаго права, а не въ расширеніи предѣловъ права общаго, при чемъ послѣдней цѣлью является установленіе «объединительнаго» законодательства, т.-е. законодательства, ставящаго «подчиненную» территорію не въ равное съ прочими, а въ одіозно-особое положеніе, законодательства спеціальнаго, но направленнаго противъ желаній и интересовъ данной мѣстности. Для того, чтобы понять всю двусмысленность слова «объединеніе», достаточно обратить вниманіе на ту безуслѣшную борьбу, которую вела оппозиція въ германскомъ рейхстагѣ, стремившаяся установить въ извѣстныхъ отношеніяхъ общій для всей имперіи правовой минимумъ, посредствомъ болѣе широкаго «вмѣшательства» имперскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ охранять мѣстныя автономіи, противъ Пруссіи, не допускавшей вмѣшательства «имперіи» въ ея внутреннія дѣла и «господствовавшей» надъ всей Германіей²⁾.

Такое пониманіе «государственнаго единства» и «автономіи» не представляетъ собой, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, ничего специфически-свойственнаго «національному вопросу». Но несомнѣнно, въ этомъ случаѣ положеніе обостряется, такъ какъ

¹⁾ По мѣтному замѣчанію лорда Чарнвуда, главное значеніе неограниченной власти центрального парламента, отличающей будущую англійскую «федерацію» отъ существующихъ, заключается вовсе не въ возможности преодоленія сопротивленія мѣстнаго парламента, въ случаѣ конфликта, а въ возможности изданія общихъ законовъ по вопросамъ, нормально входящимъ въ компетенцію мѣстныхъ парламентовъ. Murray Macdonald and Lord Charnwood, p. 61.

²⁾ «Воля къ власти» по самой идеѣ своей не можетъ быть заключена ни въ какіе предѣлы (кромѣ предѣловъ физической силы). Иностранная политика германскаго правительства только продолженіе его внутренней политики.

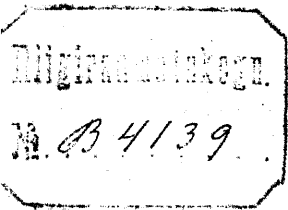
всякій «національний натискъ» вызываетъ совершенно однородный «національный отпоръ»; именно вслѣдствіе этой однородности національныя «воли къ власти» взаимно усиливаются до безконечности и конфликтъ становится «неразрѣшимымъ». Если твердо проводимая системой единой «державной народности» рано или поздно приводитъ къ объединенію всѣхъ «инородцевъ» противъ общаго угнетателя, то «автономіи», создающія для тѣхъ или другихъ народностей привилегированное положеніе на извѣстныхъ территорияхъ, приводятъ къ любопытной картинѣ «взаимнаго угнетенія». «Территориальная народность», не допуская посторонней «интервенціи» въ свою расправу надъ «національнымъ меньшинствомъ», требуетъ расширенія «своей» автономіи, т. е. ослабленія государственной связи. «Меньшинство»¹⁾ требуетъ ограниченія автономіи или расчлененія автономной области. Государственный организмъ медленно гниетъ, отравляя собою всю окрестность, пока уничтоженіе его не становится настоятельной необходимостью и для собственныхъ подданныхъ и для сосѣдей.

Пора наконецъ понять, что на почвѣ привилегій, безразлично принадлежать ли онѣ одной группѣ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, или нѣкоторымъ (или хотя бы всѣмъ) группамъ въ ущербъ другъ другу, — вопросъ абсолютно-неразрѣшимъ. А выходъ есть! Участвуя въ міровой войнѣ, Англія мимоходомъ, почти незамѣтно, ликвидируетъ послѣднюю и самую тяжкую изъ національныхъ проблемъ, когда-либо возникавшихъ на всемъ пространствѣ ея гигантскихъ владѣній²⁾. Но для этого нужно отказаться не только отъ рѣшеній, негодность которыхъ доказана морями крови, но и отъ всѣхъ предпосылокъ, на которыхъ они основаны. Грубый признакъ «преобладающей національности» можетъ быть практически пригоденъ при разграниченіи политическихъ единицъ, на ряду съ другими, столь же несовершенными основаніями. Дѣйствительная «территориальная національность», какъ объективный фактъ, можетъ быть только концомъ, а не началомъ — только результатомъ взаимодействия всѣхъ представленныхъ въ данномъ обществѣ культурныхъ элементовъ, только культурнымъ отраженіемъ объективно-суще-

¹⁾ А оно всегда есть. «Чистыя» національныя территоріи продуктъ «чистой» фантазіи, и только для австрійскихъ (и нѣкоторыхъ нашихъ) публицистовъ это было какимъ-то открытіемъ. Если есть на земномъ шарѣ мѣстности, гдѣ присутствіе національнаго меньшинства незамѣтно, то только потому, что оно не ведетъ никакой національной борьбы съ большинствомъ (а не наоборотъ).

²⁾ Поскольку дѣло идетъ о бѣломъ населеніи. Къ громадной «расовой» проблемѣ Англія только приступаетъ. Отношеніе Индіи къ настоящей войнѣ показывается, какъ много въ этомъ направленіи уже сдѣлано за послѣднее время.

ствующихъ общихъ условий жизни и общихъ интересовъ. Исходить же нужно не изъ «національныхъ» (а тѣмъ менѣе «историческихъ») правъ, а изъ «права и справедливости»¹⁾, не изъ отрицанія, а изъ углубленнаго пониманія вѣчныхъ «принциповъ 1789 г.». Съ этой же точки зрѣнія не можетъ быть иного «государственнаго единства», кромѣ основаннаго на абсолютной равноцѣнности интересовъ всѣхъ гражданъ. И поэтому при извѣстныхъ условіяхъ «автономія» необходима для осуществленія «государственнаго единства». Но не можетъ быть и «автономіи», «принадлежащей» кому-либо, кромѣ всѣхъ живущихъ въ данной области гражданъ государства, въ качествѣ таковыхъ. Обеспеченіе этого принципа — дѣло по существу своемъ общегосударственное²⁾. И такимъ образомъ «государственное единство» дополняетъ и гарантируетъ «автономію».

¹⁾ Ср. И. А. Бодуэнъ де Куртене, Національный и территориальный признаки въ автономіи. Б. Д. Бруцкусъ, Національность и государство, «Русская Мысль», 1910, июль.

²⁾ Только при этомъ условіи автономія перестаетъ быть чѣмъ-то внутренне-враждебнымъ государственной цѣлости. Съ государственной точки зрѣнія центръ тяжести именно въ этомъ вопросѣ, передъ которымъ вопросы о распределеніи функций между центральными и мѣстными органами отступаютъ на задній планъ. Сравненіе англійскихъ колоній и австрійскихъ коронныхъ земель слишкомъ убѣдительно!